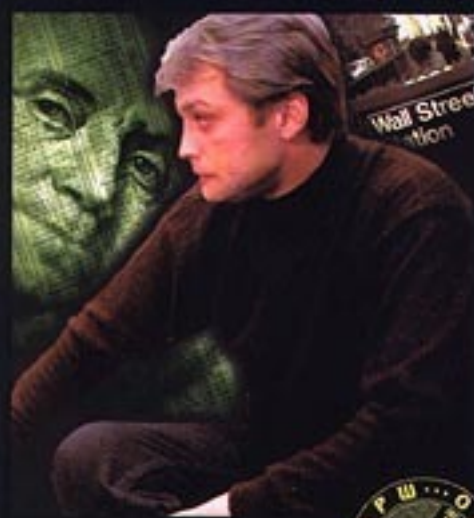

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Убей, укради, предай

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Убей, укради, предай

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Убей, укради, предай / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Александру Турецкому не привыкать к загадочным преступлениям — но это дело, пожалуй, выходит даже за рамки его богатого опыта. Дерзкие покушения в Москве явно связаны как-то с серией заказных убийств в Нью-Йорке. Связаны — но как? И уже не только Турецкий, но и его американский коллега, захлебываясь в потоке немыслимых версий, мотивов и улик, начинают постепенно подозревать — разгадка тайны совсем рядом...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
1	7
2	13
3	17
4	23
5	27
6	31
7	35
8	42
9	46
10	48
11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фридрих Незнанский

Убей, укради, предай

Пролог

ГЛАВАРИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ ОТМЫЛИ 15 МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ ЧЕРЕЗ BANK OF TRATON ПО ПРЯМОМУ УКАЗАНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРЕЗИДЕНТА СВОЕЙ СТРАНЫ.

Об этом заявили вчера на пресс-конференции в Вашингтоне представители Федерального бюро расследований, ссылаясь на результаты собственного расследования и данные, полученные от Генеральной прокуратуры России, пользующейся относительной независимостью от властей.

По сведениям ФБР, 10 миллиардов из этой суммы составляют средства из займов (МВФ) Международного валютного фонда, предоставленных российскому правительству начиная с 1992 года, остальные — доходы организованной преступности от традиционного криминального бизнеса: рэкета, проституции, выполнения заказных убийств, торговли наркотиками и оружием. Счета, использовавшиеся для отмыwania денег, были открыты на имя американской компании Phenix Ltd, а оперировал ими бывший российский сотрудник МВФ Станислав Шестопап.

Представители ФБР отметили, что в частных беседах их коллеги из Москвы утверждали в один голос: «Зная российскую действительность, крайне затруднительно поверить в непричастность к разворовыванию международных кредитов и отмыванию преступных капиталов экс-президента, а также таких известных деятелей, как экс-премьер министр Степан Чеботарев и председатель Союза промышленников и предпринимателей Валерий Пичугин». (Последний занимал различные высокие государственные посты, в том числе и в правительстве Чеботарева, а также неоднократно вел переговоры с западными кредиторами.)

Один из свидетелей по этому делу — американский гражданин Ефим Басин, выходец из семьи русских эмигрантов, работавший адвокатом в нью-йоркском представительстве Внешэкономбанка России, — согласился дать интервью нашему корреспонденту.

Он сказал: «Шестопап — фигура несамостоятельная, за ним непременно должен стоять кто-то еще. Хотя бы и упомянутые уже Пичугин и Чеботарев. Они причастны и к скандалу с российскими ГКО — государственными краткосрочными облигациями — многомиллиардной афере, приведшей в прошлом году к банковскому кризису и дефолту в России. Российское правительство и кремлевская администрация обратились к ним за помощью в отмывании денег ввиду их колоссального опыта в международных финансовых махинациях и обширных связей в американских деловых и политических кругах».

По словам Басина, русские давно и успешно внедряют своих людей в различные банковские структуры в Соединенных Штатах, используя шантаж, грубое физическое давление и протекционистскую поддержку подкупленных ими политиков самого высокого ранга. Так, ответственные посты в Bank of Traton заняли две русские эмигрантки — Марина Митина и Наташа Пушкина, сколотившие за короткий срок крупные состояния благодаря финансовым злоупотреблениям.

Опасения по поводу проникновения русской мафии не только на улицы, но и в истеблишмент сегодня все в большей мере разделяются официальным Вашингтоном. Представитель Министерства юстиции, пожелавший остаться неизвестным, в связи со скандалом вокруг Bank of Traton заявил нашей газете: «После распада Советского Союза Президентская администрация, ФБР, иммиграционная служба и другие государственные институты проявили непростибельное благодушие по отношению к волне иммиграции из бывшего СССР. Мало того что наш президент и Госдепартамент вынуждены иметь дело с насквозь коррумпированным российским руководством — другого там просто нет, вдобавок мы еще и импортируем коррупцию из России. Есть еще одна угроза, о которой обычно предпочитают умалчивать. Русский программист в банке или русский физик в НАСА несравненно опаснее, чем русский гангстер на Брайтон-Бич. В силу своего генетического неверия в способность властей их защитить они легко поддаются криминальному нажиму и готовы сделать все, что потребует от них мафия».

«Нью-Йорк таймс», 25.08.99

Часть первая

Надо быть проще

1

Убийца. 5 сентября, 5.00

Воздушный лайнер описал пологий вираж и вышел на посадочную прямую. И сразу же очнулся динамик громкоговорителя.

«Наш самолет вошел в воздушное пространство независимого государства Луганда, — в мажорном тоне вещала невидимая стюардесса. — Народ и правительство рады приветствовать вас на древней и прекрасной земле одного из самых богатых государств Африки. Мы совершим посадку в международном аэропорту столицы Лалулы, построенном два года назад лучшими специалистами Европы. В процветании и прогрессе Луганды вы сможете убедиться лично. Гостям у нас везде рады! Но гостям, приезжающим с добрыми намерениями. Президент Джулай Таруба ведет непримиримую борьбу с внутренней реакционной оппозицией и внешними врагами. А их у свободной Луганды хватает...»

Стюардесса говорила на хорошем английском. Настолько красноречиво и убедительно расписывала положение дел в стране, ее стремительный экономический и социальный взлет, что информация оппозиционной печати выглядела на этом фоне бессовестным поклепом пройдох журналистов. Впрочем, сейчас в салоне журналистов не было вообще. Не горели, видно, желанием посетить местные джунгли. Или же сам Джулай Таруба позаботился о том, чтобы ограничить их въезд на подвластную ему территорию.

Подтянутый мужчина со светло-коричневым цветом кожи покосился на мирно похрапывающего в соседнем кресле толстого американца. «Явный тип пресыщенного жизнью бизнесмена», — подумал мулат. Несмотря на прохладу в салоне, на оплывшей, в складках шее блестели капельки пота и скатывались за воротник хлопчатобумажной рубашки. Мулат отвернулся к иллюминатору.

Стюардесса продолжала рассказывать о победах и достижениях нового строя Луганды. Ее пламенное повествование напоминало сказку о Золушке. Так и Луганда за короткий срок стала передовым африканским государством с собственной непобедимой и хорошо вооруженной армией.

«За последние пять лет полностью решен жилищный вопрос, — радовалась стюардесса. — Решена и проблема с рабочими местами. Медицинская помощь оказывается на новейшем современном оборудовании. Вследствие чего возросла продолжительность жизни. Теперь она составляет сто двенадцать лет у женщин и сто пять — у мужчин. Тогда как совсем недавно она соответственно составляла только девяносто девять и девяносто три года».

«Скоро на Марс полетят», — равнодушно подумал мулат.

Лайнер пошел на снижение.

«Пристегните, пожалуйста, ремни безопасности. Мы прибываем в аэропорт Лалулы, — пропела из динамика стюардесса. — Счастливой посадки, дамы и господа». И отключилась.

Внизу менялся ландшафт. Джунгли, рассекаемые грязно-коричневой рекой, уступили место саванне, поросшей островками низкорослых деревьев и кустарника. Вдалеке мирно бродило стадо антилоп. Прямо под брюхом самолета возникла и стремительно полетела навстречу

посадочная полоса. Одинокая и довольно узкая для международного аэровокзала, она навела на определенные мысли.

Архитектурный шедевр лучших европейских специалистов явил этим мыслям вполне достойное подтверждение. Три одноэтажных бетонных куба, выстроенных в ряд, соединялись между собой остекленными переходами. На крыше каждого, на высоком флагштоке, гордо реял зеленый флаг с изображением красной антилопы в центре. Государственный флаг был единственным украшением серых, угрюмых зданий.

Спустившихся пассажиров у трапа поджидал обезображенный рекламами «Мальборо», «Кока-колы» и джинсовыми задницами «Ли» автобус. Два чернокожих солдата с карабинами в руках топтались на месте. Когда прибывшие разместились, они прокричали что-то гортанное и отрывистое водителю и автобус покати к строениям, подразумевавшим вокзал. Черные вояки весело переговаривались на своем языке и, проигнорировав все возможные нормы приличия и хваленого гостеприимства, нагло закурили.

«На таких колымагах в Штатах в провинциальных городишках детей в школы возят, — пронеслось в голове мулата. — А эти и есть самые настоящие дети. Для них — в самый раз».

Автобус затормозил у центрального здания. Там их встречала делегация из трех военных. Все в одинаковой тропической форме цвета хаки: рубашки с короткими рукавами, шорты и длиннокозырьковые кепки (американский вариант). У самого высокого, со злобным лицом, испещренным шрамами, на левом бедре кобура с пистолетом. Второй был с советским АК-74. Третий, видно переводчик, — без оружия. Он и заговорил первым:

— Господ просят пройти внутрь для досмотра багажа и проверки документов.

Дамы в этом рейсе отсутствовали.

Высокий расплылся в широкой, но не очень дружелюбной улыбке, бросил несколько фраз.

— Необходимые формальности, — последовал незамедлительный перевод. — В стране неспокойно, партизаны активизировали действия. Майор Габу Джунтали просит отнестись с пониманием и обещает ускорить процедуру.

И как бы в подтверждение его слов, совсем рядом раздался оглушительный взрыв. Военный грузовик, пересекавший летное поле, охватило пламенем. Он остановился, разгораясь сильнее, а спустя несколько секунд рванул еще раз. Фигура в форме вывалилась из кабины и поползла по бетонке в сторону. Одновременно со всех сторон затрещали автоматы и карабины, побежали люди.

Майор Джунтали оказался смышленным офицером. Он быстро отдал короткие распоряжения сопровождающему с «калашниковым» и, когда тот испарился, поспешил увести гостей внутрь аэровокзала.

Формальности с багажом и документами и правда не заняли много времени. Скорее всего, просто было не до того. Взрывы больше не повторялись, стрельба поутихла, но суета среди военных продолжалась.

В группе прибывших оказалось всего около тридцати человек. Негусто. Половина из них прилетела на знаменитую охоту — сафари. Остальные были либо гражданами Луганды, либо деловыми людьми. Мулат оказался гражданином Голландии, что было совсем не удивительно: как известно, в Стране тюльпанов живет немало темнокожих. Мулат и толстяк американец относились к поклонникам сафари.

Появился гид, крутившийся юлой, безостановочно жестикулирующий и болтающий, забрал своих «сафаристов» и потащил их к автобусу. На этот раз тот был предусмотрительно накрыт камуфляжем с зелеными и бурыми пятнами. Завершали маскировочное облачение натканные сплошь ветки с густой листвой. Охотники расселись, и кусочек джунглей на колесах, изрыгая выхлопные проклятия, тронулся в путь. Проскочил под взметнувшимся в безоб-

лачное небо шлагбаумом, оставил позади кольцо солдат, оцепивших аэропорт, и помчался, набирая скорость, вперед.

По дороге то и дело встречались военные патрули. В большинстве на «виллисах» времен Второй мировой войны и с установленными на них спаренными пулеметами «виккерс». Один раз попался советский бронетранспортер с облепившими его, словно большие черные мухи, солдатами-неграми.

Примерно через час впереди замаячил еще один шлагбаум, а за ним — высокий забор из колючей проволоки. Не доезжая метров триста, автобус свернул с асфальта в джунгли и запрыгал по утрамбованной красной земле.

Гид объяснил, что впереди находится дворец президента Джулая Тарубы, а им до лагеря осталось ехать не более двадцати минут.

Солнце палило немилосердно: тридцать пять градусов в тени, не меньше. Плюс высокая влажность. Возникало ощущение, словно находишься в бане. Толстяк американец страдал больше других.

За все время следования по джунглям встретился всего один патруль, уже у самого охотничьего лагеря. Лагерь находился в африканских зарослях, на краю огромной саванны, простиравшейся далее до самого горизонта. Он более-менее напоминал бунгало. Что в принципе не удивляло. За те деньги, которые платили любители экзотики, они имели полное право на соответствующий сервис. Тем более что государственная казна Луганды неплохо обогащалась за их счет.

Низкие фанерные домики, крытые бамбуком, выстроились в ряд. Почти все, за исключением двух-трех, рассчитаны были на двух хозяев. Мулат занял одиночный.

Солнце стояло в зените, обозначая полдень. Прибывшим дали время разместиться и отдохнуть до ужина. Экскурсии в саванну и охота начинались со следующего дня.

После ужина и короткого инструктажа по мерам безопасности в дикой африканской природе все разошлись по своим домикам. К следующему дню необходимо было выспаться: предстояла насыщенная программа.

Закат был багровым, словно укрывал саванну кровавой простыней. Под стрекот сверчков и крики каких-то ночных птиц-хищниц лагерь погрузился в сон.

Мулат включил карманный фонарь, положил его на низкий стол и принялся за свой багаж.

Извлеченный из дорожной сумки зонт в течение пяти минут превратился в легкую винтовку с откидным прикладом. На объектив подозрительной трубы мулат приклеил прозрачную пленку со снайперским крестом-шкалой и установил импровизированный оптический прицел на оружие. Придирчиво оглядев игрушечную на вид сборную модель, удовлетворенно отложил ее в сторону и открыл баночку с кремом от ожогов. Из крема достал аккуратно упакованные в полиэтилен два металлических цилиндрика с длинными остроносими мордочками. Вложив один из них в патронник винтовки, он клацнул затвором: оружие, изготовленное в Лондоне по его личным чертежам, было готово к применению.

Затем наступила очередь «поляроида». Ненужный корпус легко отсоединился от передней панели с объективом и идущим от нее резиновым обручем. Примерив на голову оставшуюся от фотоаппарата часть, мулат остался доволен. Единственное неудобство было в том, что незамысловатый прибор ночного видения охватывал только один глаз. Но в данной ситуации это большой роли не играло. Вполне достаточно было и такого обзора. Основные приготовления были закончены.

Потом мулат внимательно осмотрел свое лицо в карманном зеркальце. Чуть поправил парик. И остался доволен. Подумал, подсветил себе фонарем и вдруг обнаружил на висках... крохотные светлые пятнышки.

Проклятый пот!

Хорошо, что он их вовремя заметил, ведь они становились бы все больше и больше, и тогда... И вот еще небольшой шрам на лбу, тоже слишком светлый, — пожалуй, и не закрашишь. Надо делать регулярный осмотр.

Мулат достал тюбик с кремом для бритья (у него их было два), выдавил себе немного на ладони и стал тщательно размазывать и втирать на висках. Через четыре минуты кожа вновь потемнела. Он снова был полноценным темнокожим. Вот так-то лучше.

Мулат вынул из сумки темно-зеленый костюм с синими вставками — типичный «адидаас» — и вывернул куртку и брюки наизнанку. Костюм приобрел черный цвет. Легкие кожаные ботинки на шнуровке дополнили наряд, а пояс с пристегнутым к нему охотничьим ножом — завершил. Мужчина сунул винтовку в брезентовый чехол, перебросил через плечо и бесшумно выскользнул из бунгало.

В считанные секунды его поглотили джунгли и ночь. Полная луна стояла высоко в небе, но свет ее едва пробивался сквозь густую растительность. Он знал, что это будет продолжаться недолго, скоро придется выйти на открытое место. Незнакомые запахи и шорохи носились в воздухе. Удваивалась, а то и утраивалась опасность встречи с хищниками. Зрение благодаря прибору ночного видения выхватывало то и дело мелькающие тени. Но не они настораживали. Главное — не нарваться на более опасного зверя, на человека.

Джунгли заметно поредели. Теперь приходилось передвигаться пригибаясь. Вдали показались осветительные огни на столбах проволочного ограждения. Он почти достиг охраняемой территории дворца. Не приближаясь, пошел в обход по периметру.

План местности он досконально изучил еще в Нью-Йорке. Тогда же разобрался и с планом расположения дворца. Эти карты и снимки обошлись ему недешево. Но любая серьезная работа подразумевает приличные расходы. И эта не была исключением.

Луна уже начала опускаться, когда он достиг нужной точки. Устроившись в расщелине скалы, мужчина достал из чехла винтовку и глянул на стрелки часов. Было три часа по местному времени. Переход занял у него полтора часа. До начала акции оставалось ровно два.

Перед ним в пятистах метрах раскинулся фасад дворца президента Луганды. Еще ближе — большой бассейн с тумбочками и вышками для ныряния. Джулай Таруба любит нырять, это его страсть. Ровно в пять часов, едва забрезжит рассвет, он выходит к бассейну и, словно совершая священный ритуал, несколько раз прыгает в воду, потом плавает и отправляется к себе на первый завтрак.

Джулай Таруба спать ложится рано, но и встает рано. С первой зарей. Дел в государстве невпроворот. Он должен многое успеть и к тому же всегда быть полным сил и энергии. Участвовавшие стычки с повстанцами левой оппозиции, так называемой народно-освободительной армией, отнимали много времени и держали в постоянном нервном напряжении. А тут еще приходится лично контролировать недавно открытые разработки алмазов. Строительство шахт финансируют Соединенные Штаты, и подводить такого серьезного партнера очень не хотелось. Это грозило осложнением взаимоотношений и другими нежелательными последствиями. Американцы ведь поставляют и б*!*о*!*льшую часть вооружения и обмундирования для его сил самообороны. Есть, правда, и другие поставщики, из противоположных лагерей, действующие через посредников. Но Вашингтон всегда открыто идет навстречу и в экономических, и в военных вопросах. Алмазные шахты дадут населению Луганды тысячи рабочих мест, а оружие принесет спокойствие и порядок. Поэтому приходится много работать, везде успевать и находиться притом в отличной физической форме. И Джулай Таруба старался как мог. Он считал, что ранние утренние купания укрепляют нервную систему и здоровье в целом и задают бодрость на весь день.

Эта его привычка была хорошо известна человеку, притаившемуся в расщелине тридцатиметровой скалы, за многие столетия сплошь обросшей мхом. Вполне приличный наблюда-

тельный пункт, если есть бинокль или другая спецтехника. У мулата она имелась, но он ею пока не воспользовался.

Восток заалел, распустил по горизонту красную нить. Она росла, светлела, отвоевывала у ночи погруженные в темноту предметы.

Очертания президентского дворца стали выступать отчетливей. Он представал во всем своем гротескном величии: огромное серое в предрассветных сумерках сооружение, соединившее в себе стили арабской и европейской архитектуры. Восточная помпезность и готическая строгость. Позолоченные купола нависали над стенами с арками и узкими полукруглыми окнами-бойницами. И так же как в аэропорту, на высоких мачтах развевались зеленые с красной антилопой флаги. Никак не вписывался в эту картину забор из колючей проволоки, охватывающий огромную территорию вокруг дворца. Последним штрихом являлась передвижная зенитная установка, охранявшая ворота резиденции господина президента.

Ровно в пять появился Джулай Таруба. В белом шелковом халате и шлепанцах он вышел из задних покоев и привычно направился к бассейну. Разоблачившись и оставшись в одних узких плавках, гордо, как на трон, взошел на центральную тумбочку для прыжков.

Человек в расщелине взял его на прицел. Палец плавно опустился на спусковой крючок. Их отделяло всего четыреста пятьдесят метров.

Джулай Таруба, вытянув вверх могучие руки, прогибал спину, разминал шею, совершая ею круговые движения, попеременно поднимал колени. Обычная разминка перед заплывом. Он мог похвастаться хорошим сложением и накачанными бицепсами. Таруба был из породы воинов, привыкших повелевать и не терпящих ослушания. Не зря президент любил появляться на публике в военном мундире.

Наконец Джулай Таруба перестал вращать шеей и поднимать колени. Замер. Сильнее прогнул спину, отводя назад руки. Приготовился к прыжку. Глубоко вдохнул...

Снайпер улыбнулся.

И Таруба прыгнул. Торпедой рассек воду и скрылся из глаз. Через полминуты его голова показалась уже у другого бортика бассейна.

В этот момент у бассейна появился еще один человек. Был он невелик ростом, довольно тщедушен, особенно по сравнению с Тарубой. И главное — белокож. Черты лица абсолютно европейские. Белокожий тоже кое-как забрался на тумбочку и собрался прыгнуть. Таруба дружелюбно показал ему большой палец...

Снайпер медленно выдохнул, одновременно нажимая на спусковой крючок. Со скоростью семьсот девяносто метров в секунду томпаконовый конус врезался в переносицу, ворвался в мозг и, разлетевшись на мелкие осколки, буквально разорвал его в клочья.

Не издав ни звука, с застывшим на широконосом скуластом лице удивлением белокожий свалился в бассейн. Тело ушло под воду и сразу же всплыло кверху спиной с раскинутыми в стороны руками. Вода вокруг головы стремительно окрашивалась красным. Никакой другой звук, кроме привычного всплеска, не нарушил стоявшей тишины. Таруба онемел. Выскочив из воды, он опрометью бросился во дворец.

Мулат взглянул на часы, удовлетворенно хмыкнул и заторопился. Первым делом, пробравшись на другую сторону скалы, он утопил в протекавшей внизу быстрой мутной речушке винтовку, оставшийся невостребованным патрон и прибор ночного видения. Теперь необходимость в нем отпала.

Уже светало. Спустившись на землю, он побежал в обратном направлении. Пригибаясь к земле, останавливаясь, чтобы прислушаться, старался быстрее достигнуть чащи джунглей. Помогал предрассветный туман, скрывая киллера от возможного наблюдателя.

В половине седьмого он был на месте. Лагерь еще спал. Вывернув спортивный костюм адидасовской стороной наружу, он вышел из кустарника позади своего домика и проскользнул в оставленное незапертым окно. У него было еще целых тридцать минут для отдыха.

А потом предстоял увлекательный день: выбор оружия для охоты, первый ознакомительный выезд в саванну, первые встречи с дикими животными и, конечно, — африканская национальная кухня. Ее обязательно следовало попробовать.

Когда еще случится побывать в Африке?

2

Черный. 8 сентября, 11.20

Утреннее солнце, к одиннадцати часам поднявшееся достаточно высоко и добравшееся до изголовья дивана, застало Порфирия Рудольфовича Черного врасплох за крамольной мыслью: как же он, в сущности, ненавидит эту работу! Книга не давалась ему ни в какую.

Хотя, будучи истинным приверженцем дзэн-буддизма, Черный отказывал себе в естественном удовольствии ненавидеть кого-либо или что-либо. Но в данном случае повод был слишком весом: вопреки глубокой медитации и иным актам духовного подвижничества, зачастую с трудом поддающимся описанию, книга, которая в его сознании была столь реальной, что ее можно было держать в руках, перелистывать страницы и даже различать отдельные строки, когда шум за окном немного стихал и переставал быть преградой внутренней концентрации, книга эта не шла, и все тут! Без чего старый приятель Черного Томми Джексон в своей издательской твердолобости отказывался верить в реальность существования книги. И ведь не было другого способа покончить с ней, кроме рутинного и нудного цоканья по клавишам. Только так. Буква за буквой, буква за буквой... Еще каких-то сто тысяч раз — и все. Какая малость.

Потом, конечно, ее необходимо многократно и вдумчиво перечитать (ха-ха), переписать неудачные места (ха-ха три раза), дрожащей рукой представить на суд читателя — и лишь после этого готовиться скромно пожинать лавры. Ну-ну...

Почувствовав, что мысли вроде бы легли на верный курс, Черный легко поднялся, с удовольствием ощущая бодрость в теле, что, несомненно, являлось в первую очередь следствием трезвого образа жизни. Он строго следовал ему последние две недели, здесь, в Нью-Йорке, у себя дома в отпуске, выполнив наконец бесчисленные обещания «начать с понедельника новую жизнь», данные самому себе еще в Москве. Одна только вечная проблема была с этим трезвым образом жизни: оказалось, что он ни черта не способствует вдохновению.

Поприседав с минуту, Черный извлек из-под дивана ноутбук и забрался обратно. Открыл, запустил программу. Некоторое время, скривившись, изучал последнюю строчку, написанную накануне, затем решительно удалил «решали второй извечный русский вопрос: что делать?», заменив на «договаривались, как им обустроить Россию». Нужно было сразу писать по-русски, а не по-английски, подумал он, ожидая, пока выкристаллизуется следующая фраза, — эти американцы ни черта фишку не рубят. Не будь все уже готово на три четверти, ей-богу, переписал бы по-русски.

Постепенно работа пошла. Черный молотил по клавишам со скоростью высокочастотной машинистки, пытаясь не отставать от собственных мыслей.

«...Вы спросите, почему именно в Давосе? А читатели, особенно читательницы, склонные к сенсорному восприятию действительности, могут углядеть в этом даже определенный эзотерический смысл. Но, по-моему, в данном случае объяснение выглядит проще и примитивнее. И дело тут совсем не в том, что господа Чеботарев, Пичугин и Романов не встречаются в Москве в общественных местах, где за соседним столиком может чисто случайно оказаться мистер Черный, снабемый исключительно профессиональным любопытством. А дело в том, что они вообще вряд ли встречаются в Москве. Скорее всего, им недосуг. Ну предположим, они встретились — неужели они станут проводить время в философских дискуссиях о благе России, немедленно последующем от внедрения в жизнь тех или иных экономических концепций?! Вам непонятны мои «?!»? Тогда представьте себе менеджеров трех крупных нью-йоркских супермаркетов, договорившихся после двух недель ударных рождественских продаж приятно провести время в сугубо мужской компании. Представили? А теперь представьте, что

они с жаром обсуждают, какой подарок от Санта-Клауса обнаружит каждый из них под елкой следующим утром...»

Черный на секунду отвлекся, в очередной раз сдул с дисплея невесть откуда взявшиеся крошки и услышал странный скрежет над головой. Причиной и скрежета, и крошек оказался Билл с куском засохшего сыра в зубах. Он осторожно спускался вниз по обоям. Билл был белой мышью с красным носом — единственным живым существом, к которому Черный питал некоторую привязанность. Впрочем, даже больше чем привязанность. Лазать по обоям Билл очень любил — и сыр, конечно, тоже любил, — так вот, лазать по обоям Билл любил, но не умел. Увидев, что на него смотрят, он заметно занервничал и в итоге сорвался, с писком плюхнувшись на вентилятор, благо тот был выключен. Кусочек сыра закатился под диван.

Мысли Черного улетучились. Решив не насиловать себя, по крайней мере до завтрака, он встал на голову и несколько раз подряд выкрикнул: «Му!» — глядя прямо перед собой и стараясь расфокусировать зрение. Это упражнение он почерпнул в одной японской книге, прочитанной еще в детстве. Автор ее сделал попытку кратко изложить основы восточной философии на языке, понятном западному человеку. Восточный смысл многократного повторения «му» заключался в очищении сознания от мусора мыслительной деятельности: сначала ты говоришь «му», потом «му» начинает говорить от твоего имени. В детстве Черный считал все это чушью, граничащей с маразмом. Но со временем проникся.

«Му» было прервано телефонным звонком Томми Джексона.

— Куда ты пропал? Ты обещал вчера заехать, высказать соображения по поводу обложки, — выпалил он не здороваясь, видимо, очень торопился.

— А...

— Ну я слушаю! И не вздумай снова кормить меня завтраками, через полчаса макет уходит в типографию... Извини, две минуты: вызывают по другой линии...

Черный кинулся лихорадочно перебирать почту за последние дня три-четыре, лежавшую грудой между журнальным столиком и диваном. И тут только понял, что в дверь звонят, причем звонят давно, пожалуй, звонки начались еще до телефонного разговора, во время «му», но он, естественно, тогда не обратил на них внимания. А иначе какой толк от «му»?

Выхватив из кипы бумаг пакет с чем-то на ощупь плотным внутри, Черный кинулся к двери. Это был всего-навсего курьер. С некоторым удивлением тот вручил практически обнаженному хозяину очередной желтый пакет с бумагами и на всякий случай осведомился:

— Сэр! У вас все в порядке?!

Черный захлопнул дверь у него перед носом и рысью помчался обратно к телефону, на ходу вскрывая пакет и доставая конверт с обложкой своей будущей книги.

— Сэр! Распишитесь! Сэр! — завопил из-за двери курьер.

— Сам распишись! — крикнул в ответ Черный, хватая трубку. Но Джексон, слава аллаху, все еще разговаривал с кем-то другим.

Воспользовавшись паузой, он быстро изучил обложку. Больше половины места занимал его портрет: высокий, плотный мужчина чуть старше тридцати с абсолютно круглым лицом, слегка раскосыми глазами, да и вообще, монгольские черты довольно заметны, на голове ежик. Снимок явно не самый удачный: здесь он больше похож на сержанта из фильмов Копполы или Кубрика, чем на писателя. Смонтирован, разумеется, на фоне Красной площади, хотя договаривались, что этого не будет. К сожалению, возмущаться поздно — момент упущен безвозвратно. Название оформлено еще лучше. «CHERNY P. R. Great business and policy in Russia» — каждая буква отбрасывает зловещую тень, а со слов «бизнес» и «политика» стекают кровавые капли. На заднем плане группа товарищей, слишком мелких, чтобы можно было разобрать, кто они такие. С трудом угадываются Горбачев, Сахаров и Николай II. Хотя, возможно, это Солженицын.

— Ну что скажешь? — вернулся к прерванному разговору Джексон.

— Полная жопа, — ответил Черный по-русски.

— Что?! Говори по-английски, пожалуйста.

— Говорю, читатели будут в восторге. Хотя, конечно, надо бы еще проще.

— А-а. Я знал, что тебе понравится. Надеюсь, ты не забыл, полчетвертого у тебя ток-шоу. Забыл, само собой. Черный посмотрел в зеркало, сделал невинную физиономию и произнес вполголоса, обращаясь к своему отражению:

— Томми, святая простота, звонит в три ночи по московскому времени, требует сатисфакции и свято верит, что через двое суток я буду помнить все, что наобещал во сне.

— Порфирий?!

— Иди ты в задницу! — рявкнул Черный.

Порфирий. Столь помпезным именем наградил Черного дед. Дед тогда страдал от жестокого маразма и чудовищной ностальгии по покинутой в семнадцатом родине, а Черный потом страдал от его ностальгии всю жизнь. В школе, опасаясь насмешек товарищей, он сократил неблагозвучного Порфирия Рудольфовича до Р. Р., что, как он потом понял, повлияло на его карму и определило выбор профессии. Закончив Станфорд, Черный занялся паблик рилейшнз, то есть, говоря новомодным сокращением, пиаром. А когда в России в начале девяностых начался пиаровский бум, он приехал на историческую родину и за считанные месяцы сделал карьеру, о которой не мог даже мечтать в Штатах, и приобрел авторитет всемогущего VIP-тренера. Деда он простил и даже был очень ему благодарен за владение русским в совершенстве, но от собственного имени его по-прежнему каждый раз передергивало.

— Я — Р. Р., понял? Р. Р.!

— Прислать за тобой лимузин? — заржал Томми, хорошо знавший, как Черный реагирует на собственное имя. — Давай диктуй список вопросов, я запишу на автоответчик.

— Каких вопросов?

Черный почувствовал, что на лбу у него выступил пот, и включил вентилятор.

— Кончай дурака валять! — Было хорошо слышно, как Джексон заерзал в своем кресле. — Я же тебе объяснял: этот придурок из Си-эн-эн попросил подготовить вопросы, на которые ты бы сам хотел ответить. «Для придания беседе нужного направления». По-моему, он стопроцентный кретин, но его смотрят еще двадцать два миллиона идиотов. Эта программа стоит всей рекламной кампании. Я тебе говорил, что уже потратил полмиллиона? Ну, я слушаю.

— Тему напomini, — попросил Черный, дождавшись, пока дыхание Джексона в трубке станет ровным.

— Ты не подготовил вопросы?!

— Подготовил...

Больше он ничего сказать не успел: Билл, отыскавший под диваном свой сыр и снова забравшийся под потолок, второй раз сорвался — и опять прямо на вентилятор. Он угодил под лопасти и отлетел метра на три. Черный, отшвырнув трубку, подбежал к пострадавшему. Задняя лапа была перебита, кость торчала наружу. Выскочил на кухню, лихорадочно распотрошил аптечку одной рукой, в другой бережно держа раненого Билла. Подумал: просто так бинтовать нельзя, нужно наложить шину. Пробегая, мимо телефона, он на секунду схватил трубку:

— Отменяй Си-эн-эн, мне срочно нужно к ветеринару!

Что-то в его голосе не позволило Джексону возразить и возмутиться.

— Я привезу тебе вра... то есть ветеринара, — тут же пообещал он, — прямо в студию.

— На дом, мать его! На дом! Немедленно!!!

— Ладно, на дом. Только продиктуй вопросы.

— Какие?!

После нескольких бесплодных попыток наложить шину Черный отказался от этой идеи, решив, что будет держать Билла в руках до прибытия специалиста. Билл пищал не переставая и дергался.

— О Бэнк оф Трейтон. О том, что мы откладываем издание, — ты хочешь добавить еще одну главу, посвященную банковскому скандалу.

Держа Билла обеими руками, поскольку тот постоянно норовил вырваться, Черный подвинул к себе ногой кипу «Нью-Йорк таймс» и ногой же стал их перелистывать. «Бывший премьер-министр России Чеботарев отмыл для русской мафии через Бэнк оф Трейтон 15 миллиардов долларов...»

— Это уже за гранью добра и зла, — пробормотал он. — Том, слышишь меня? Включай свой автоответчик. Первый вопрос: где русская мафия достала 15 миллиардов грязных долларов? — «Исчезнувший неделю назад свидетель обвинения по делу Бэнк оф Трейтон адвокат Ефим Басин убит в столице Луганды Лалуле, прямо в президентской резиденции, где он скрывался у своего давнего друга и клиента президента Джулая Тарубы. Между тем президент Таруба заявил, что акция несомненно направлена против него лично и является грязным выпадом мятежников...» Черный скомкал газету. — Второй вопрос: кому выгодна смерть Басина?.. — Он изловчился и, придавив пяткой пакет, принесенный курьером, ловко всковырнул его большим пальцем ноги. Внутри лежал толстый блокнот в потертой красной кожаной обложке. На нем была надпись, тисненая золотом: «Е. Басин». Черный перевернул пакет и посмотрел на штамп. Пакет был послан из Африки.

3

Турецкий. 10 сентября, 9.45

— Красотища-то какая кругом! — восторженно заметил Турецкий, завалившись навзничь на нагретую солнцем хвою.

— Нормально, — солидно согласилась Нинка, присаживаясь рядом.

В кои-то веки Турецкому удалось выбраться в лес в пору бабьего лета. У Ирины накопилась неделя отгулов, Нинка релаксировала после тяжелого бронхита, и Меркулов организовал им путевку в подмосковный санаторий. У Турецкого, правда, получилось вырваться сюда только сегодня, и то Константин Дмитриевич обязал его непременно иметь при себе мобильный телефон, потому как полностью расслабляться «важнякам» не положено. Особенно по понедельникам. Тем более по понедельникам. Даже если они, «важняки», трудились все выходные в поте лица.

На солнышке Турецкого разморило, сейчас бы не носиться с любимым чадом по кустам, а соснуть пару часиков. От костра пахло подгоревшим мясом — пока они тут бродили по лесу, Ирина жарила шашлыки.

— Пап, а правда, если съесть мухомор, то заснешь и тебе приснится что-нибудь волшебное? — поинтересовалась дочь, осторожно тыча палочкой в огромную красную пятнистую шляпку. — Как будто ты летаешь или ходишь в подводном царстве и всякие ангелы вокруг, сокровища, принцы разные?

— Неправда, — лениво ответил Турецкий, разглядывая сквозь шевелящиеся сосновые лапы бледно-зеленое небо. — Мухоморы ядовитые, и есть их нельзя.

— Скорпионы тоже ядовитые. — Нинка уселась Турецкому на живот и помахала ладошкой у него перед глазами. — Что ты на облака уставился, они обыкновенные и совершенно не клевые. А я по телевизору видела, как один мальчик со своим папой их целую миску съели...

— Облаков?

— Скорпионов ядовитых, какой ты все-таки непонятливый! Причем живых, и ничего с ними не случилось. А еще змей ядовитых едят, я точно знаю, и пауков, и другую всякую гадость. Только от скорпионов и змей волшебных снов не бывает, а от мухоморов бывают.

— Это тебе тоже по телевизору рассказали?

— Нет, мне Юлька сказала, она у меня самая лучшая подружка и все мне рассказывает. У нее старший брат в одной книжке прочитал про мухоморы и про сны, нарвал мухоморов, а родители увидели и все выбросили и его отругали, а он сказал, что все равно попробует. И я тоже хочу попробовать.

Ирина призывно помахала им издали рукой:

— Мясо готово!

— Идем! — крикнул в ответ Турецкий и ссадил с себя Нинку. — А если ты все-таки отравишься и умрешь? — серьезно спросил он, соображая, сработает ли строгий родительский наказ «не смей!!!» или только раззадорит желание испытать неиспытанное и познать непознанное. — Что мы с мамой тогда будем делать?

Нинка сосредоточенно потерла кончик носа.

— Понимаешь, пап, вот если бы у меня была собака или кошка... Вы же с мамой не хотите мне никого заводить, а так я бы вначале дала им укунуть, и если бы они не умерли, то я тоже бы откусила.

— А собаку и кошку тебе, значит, не жалко?

Пауза.

— Давай мы лучше так договоримся: я тебе вечером расскажу волшебную-преволшебную историю, и тогда тебе приснится волшебный сон, и без всяких мухоморов, хорошо?

— Саша! Телефон, — снова крикнула Ирина. — Костя звонит.

Нинка недовольно скривилась:

— Уедешь сейчас, да? А все твои истории я наизусть знаю. Я уже для них выросла.

— А я новую придумаю, — клятвенно пообещал Турецкий, вприпрыжку направляясь к костру.

— Про кровавую комнату? — загорелась Нинка.

— Про кровавую комнату.

Пока Турецкий добежал и отдышался, Ирина мило побеседовала с Меркуловым о прелестьях подмосковной осени, из чего Турецкий сделал вывод, что, может, и не придется никуда уезжать, может, Костя просто так позвонил, проверить, не забыл ли Турецкий телефон.

Вывод, увы, оказался ошибочным.

— Придется тебе в другой раз насладиться природой, — извиняющимся тоном сказал заместитель генерального прокурора по следствию. — Только что совершено покушение на Чеботарева.

— Чеботарев — это тот самый Чеботарев? — переспросил Турецкий. И добавил с надеждой: — Или какой-нибудь другой Чеботарев. Не Степан Степанович?

— Точно, — подтвердил Меркулов. — Тот самый Степан Степанович, который экс-премьер, председатель совета акционеров Газпрома и прочая и прочая. Ему подложили бомбу в его же собственном офисе, но он, к неудовольствию подрывников, остался жив.

— Есть пострадавшие? — пробурчал Турецкий.

— Есть. Больше пока ничего не знаю. Короче говоря, придется тебе поехать посмотреть все на месте.

Шашлыков Турецкий так и не попробовал. Ирина, конечно, обиделась, но до машины проводила.

— Если Нинка вдруг снова захочет мухоморов попробовать, ты ее отговори помягче, ладно? — на прощанье попросил Турецкий. — Без нажима.

— Каких мухоморов?! — испугалась Ирина. — Чем вы там без меня занимались?!

Когда Турецкий выруливал на Покровку, навстречу с диким визгом пронеслись две реанимационные машины «скорой помощи». Дальше дорогу перегородили пожарные, и еще добрых пять минут Турецкий протискивался к офису Чеботарева сквозь плотную толпу любопытных.

Чеботарев со товарищи занимал огромный свежестреставрированный двухэтажный особняк XIX века в Потаповском переулке. В холле, дырявя пальцами воздух, шумно разбирались две бригады телохранителей, не слишком обращая внимания на многочисленных людей в форме и в штатском. Впрочем, людям в форме и в штатском было не до телохранителей — они разбирались между собой. На громкое происшествие слетелись муровцы, представитель Министерства внутренних дел, прокурор и следователь из межрайонной прокуратуры и, разумеется, ФСБ — как же без них. И все, естественно, настаивали на собственном приоритете в данном расследовании.

Не ввязываясь в бесполезную дискуссию (стопроцентно же не сегодня завтра создадут межведомственную комиссию и всем ныне рвущим глотки придется сотрудничать), Турецкий вслед за очередной бригадой «скорой помощи» поднялся на второй этаж. Красная ковровая дорожка в коридоре была усыпана битым стеклом — от взрыва выбило окна, а со стен свалились картины и фотографии, пахло паленым мясом.

В кабинете Чеботарева работали три группы следователей, оперативников и экспертов, эти, правда, вели себя мирно и за вещдоки не дрались. Хотя пространства занимали много.

Турецкий издали оглядел развалины дубового стола и дымящиеся обломки желтого кожаного кресла. В стене за креслом зияла дыра метр на метр. Сквозь дыру просматривался порушенный интерьер соседнего помещения.

В совершенно не пострадавшей от взрыва приемной медики оказывали помощь еще одному раненому. Колоритный субъект лет пятидесяти с бледной лысиной, окруженной мелкими рыжевато-седоватыми кудряшками, тонким птичьим носом и обвислыми, как у бульдога, щеками, томно отмахиваясь от врача «скорой помощи», вещал звучным фальцетом:

— Забудьте о госпитализации, я прекрасно себя чувствую! — Он полулежал в кресле, правый глаз его дергался в тике, а из уха сочилась кровь, которую он брезгливо вытирал белоснежным носовым платком. Очевидно, господина контузило. Богатырского вида телохранитель торчал у него за спиной и растерянно хлопал глазами.

— Турецкий, старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры, — представился Турецкий. — Вы были в кабинете во время взрыва?

Врач, махнув рукой на привередливого пациента, ретировался, а контуженый господин галантно склонил голову набок и тут же поморщился от боли.

— Представьте себе, я был там. Романов. Романов Витольд Осипович.

— Витольд Осипович, вы в состоянии прямо сейчас ответить на несколько вопросов?

— А зачем, по-вашему, я все еще здесь?! — раздраженно возмутился Романов. — Жду вот, что хоть кто-нибудь поинтересуется, как все произошло! А никому как будто и дела нет!

— Мне есть, — обнадежил Турецкий, подтащив стул, и, усаживаясь напротив сознательного свидетеля, добавил: — Я вот как раз и интересуюсь, что же все-таки произошло?

Романов придирчиво оглядел «важняка» и, очевидно, нашел его вполне пригодным для роли благодарного слушателя. Он театрально закатил глаза и с надрывным пафосом произнес:

— Это я! Да, именно я! Открыл тот самый портсигар. — Последовала продолжительная пауза. Но, не дождавшись от Турецкого ни аплодисментов, ни сочувственных вздохов, Романов продолжил уже без надрыва: — Степан стоял в двух шагах от стола. Если бы он сидел в кресле, от него мало бы что осталось. Нелепость! — Он снова сорвался на крик: — Я чуть не убил его, и я же его спас! Это судьба, господин следователь, это судьба, и не иначе. А вы верите в предначертанность существования?

— Значит, бомба была в портсигаре? — проигнорировал проблемный вопрос Турецкий. — В обыкновенном портсигаре?

— Да... то есть нет. Портсигар не совсем стандартного типа. А такой вот небольшой ящичек из черного дерева с серебряной инкрустацией. Портсигар всегда стоял на столе...

— И когда вы его открыли, произошел взрыв.

— Именно. — Романов едва заметно шевельнул пальцами. Телохранитель, как вышколенный слуга, тут же метнулся — подал стакан воды и снова застыл за спиной патрона.

— Вы давно знакомы с Чеботаревым? — спросил Турецкий.

— Двадцать лет — это, по-вашему, давно?

— Бизнес или личная дружба? — Турецкий снова не счел нужным обращать внимание на риторические вопросы.

— И то, и другое.

— Ваша сегодняшняя встреча была запланирована заранее?

— Нет, Степан позвонил мне утром и попросил заехать к нему в офис, сказал, что нужно что-то обсудить.

— И?

— Он попросил, я приехал. Мы встретились на стоянке — подъехали одновременно, поднялись в его кабинет...

— В котором часу?

— Около десяти утра, — фыркнул Романов, недовольный тем, что его перебили.

— А точнее не помните?

— Точнее не помню!

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Турецкий.

Романов соблаговолил продолжить:

— Людочка, это секретарша Чеботарева, принесла кофе. Степан говорил по сотовому, прохаживаясь вдоль стола. Я потянулся за сигаретой, открыл крышку портсигара... Меня отшвырнуло назад вместе со стулом, Людочку, которая как раз наливала кофе, подбросило в воздух, Степана... кажется, ударило о стену, все вокруг вспыхнуло, вылетели стекла. Я, наверное, потерял сознание и очнулся, когда уже приехала «скорая» и Степана укладывали на носилки.

— А Чеботарев часто пользовался портсигаром?

— Постоянно. Это был подарок покойного Миттерана. Они, кстати, были в прекрасных отношениях...

В приемную влетел румяный старичок с саквояжем, он энергично размахивал визиткой, которую тут же сунул Турецкому:

— Позвоните мне завтра!

— Зачем?

— Я сообщу, когда Витольд Осипович восстановится достаточно, чтобы подвергаться допросам.

Не дожидаясь ответа и мгновенно забыв про «важняка», старичок присел перед креслом Романова и с ласковым укором принялся отчитывать контуженого:

— Витольд Осипович, что вы здесь делаете?! Немедленно домой, в постель, вам необходимо тщательное обследование и полнейший покой.

— Я исполняю свой гражданский долг, — виновато простонал Романов, — даю показания. Ужасная трагедия едва не унесла жизнь...

— Бог с ней, с трагедией, — перебил старичок, вытаскивая Романова из кресла, — ваше здоровье принадлежит нации.

Что за придурки, возмутился про себя Турецкий, рассматривая визитку с аляповатым золотым тиснением и вычурными завитушками. На визитке значилось: «Гебельбаум Виктор Абрамович, доктор м. н., профессор, действительный член АМН РФ, почетный член Британского Королевского медицинского общества, Французской медицинской академии, etc, etc, etc».

Интересно, кто этот Романов, которого так обхаживают академики? Неужели потомок царской фамилии? Только этого не хватало!

Турецкий так и не выяснил род занятий Романова, не успел узнать, что же он должен был обсудить с Чеботаревым, и вообще, вопросов осталось множество.

Эксперты-криминалисты уже заканчивали, и Турецкий отозвал в сторону знакомого эксперта Толика Лагутенко из НИИ криминалистики:

— Ну что там?

Лагутенко, с удовольствием угостившись «кэмелом», объяснил:

— Взрывное устройство было вмонтировано в настольный портсигар. Взрывчатка, несомненно, пластиковая. О типе взрывателя пока с уверенностью говорить сложно, судя по всему, открытие крышки приводило механизм бомбы в действие. Взрыв направленный. Чеботарев остался жив чудом.

— Ранения у него серьезные, ты заметил?

Толик потер переносицу.

— Обширные ожоги, возможно переломы, наверняка сотрясение мозга — его взрывной волной швырнуло на стену. Точнее не скажу, я его не осматривал.

— А он вообще был в себе?

— Когда выносили, он пришел в сознание, выматерился на своего охранника и опять отрубился. Мужик сильный, хоть и пожилой, сердце, говорят, здоровое, так что жить, думаю, будет. А то, что шрамы на фейсе останутся, так это даже героический плюс к имиджу.

— Сколько всего было пострадавших? — справился Турецкий, исправно занося все сведения в блокнот.

— Ну... Серьезно досталось только Чеботареву и его секретарше. У секретарши черепная травма и небольшие ожоги. Наверняка еще у кого-нибудь из здешнего персонала обнаружатся мелкие травмы, но в принципе жертв и разрушений минимум. Так что работал, скорее всего, классный профессионал, а не маньяк.

— Ага! Будь Чеботарев в кабинете один, только он бы и пострадал? — уточнил Турецкий.

— Вот именно.

Турецкий осмотрел опустевший разгромленный кабинет. Остатки портсигара забрали на экспертизу. Зато в углу стоял еще один пострадавший — поясной портрет президента, взрывом президенту на портрете оторвало левую руку вместе с плечом и частью бока. А он знай себе по-отечески улыбался Турецкому.

Коллеги, наконец до чего-то договорившись, поднялись толпой осматривать место преступления, в холле осталась только одна бригада секьюрити, — очевидно, вторая бригада была романовская.

Кто же он все-таки такой, гадал Турецкий, наследник престола или простой русский газовый магнат?

... — Нас генеральный ждет. — Меркулов оперативно перехватил Турецкого у его кабинета. — Новость хочешь?

— Одну? — осведомился Турецкий.

— Одну.

— Плохую или хорошую, мой вождь?

— Нормальную. Один твой приятель завтра прилетает.

— Зачем?

Они вошли в приемную генерального, и секретарша сразу же распахнула перед ними дверь кабинета:

— Проходите, пожалуйста, вас ждут.

— Ну, Александр Борисович, разобрались с Чеботаревым? — справился генеральный, широким жестом приглашая садиться.

Турецкий открыл было рот, чтобы изложить заготовленную по дороге речь, знал же, что без вызова на ковер и личных высочайших напутствий в этом деле не обойдется. Но генеральный, оказывается, не о Чеботареве собирался беседовать. О покушении на экс-премьера он просто так, словно о погоде, вспомнил.

— Завтра в Москву прибывает Питер Реддвей, знакомый вам по работе в «Пятом уровне». — Генеральный многозначительно посмотрел на Турецкого. — Он будет представлять американскую сторону в расследовании скандала с Бэнк оф Трейтон. А также в расследовании обстоятельств гибели в Москве сотрудника этого банка, американского гражданина Николая Апраксина. Вы, Александр Борисович, постараетесь оказать ему максимальное содействие, постараетесь облегчить насколько возможно его миссию. А вы, Константин Дмитриевич, окажете содействие Александру Борисовичу в оказании содействия американцам. А я окажу любое содействие вам. Договорились? — Генеральный поднялся в знак того, что аудиенция закончена.

— Как именно я могу облегчить его миссию, — возмутился Турецкий, когда они покинули кабинет, — если я не веду ни дело Бэнк оф Трейтон, ни дело о гибели Апраксина?

Меркулов, как обычно, хладнокровно помалкивал.

— Да, и еще вопрос: какое отношение имеет «Файф левел» к этим делам, почему ими занимается не ФБР?

— Реддвей здесь не в качестве представителя ЦРУ или руководителя антитеррористического центра, — пояснил Меркулов. — Его пригласили консультантом в комиссию конгресса США по внешней мафии.

— Какой-какой? — не понял Турецкий.

— Внешней — значит не американской, а русской, еврейской, турецкой и так далее. Твой Реддвей, видимо, признан большим специалистом по русской оргпреступности, вот его и запрягли разбираться с банком Трейтона.

— Ладно, с ЦРУ я понял, как не дать бедному Питу помереть со скуки, я тоже примерно представляю. Но, по сути, мне что теперь, прикажешь забросить Чеботарева и начать раскапывать дело американца Апраксина?

— Какой ты нудный, Саша! — воскликнул Меркулов. — У тебя сейчас сколько дел в производстве? Пять, шесть?

— С Чеботаревым — шесть.

— Ну, значит, будет семь. Или восемь. Апраксиным Генпрокуратура вообще не занимается.

— А кто тогда?

— Следственное управление ФСБ.

— Ага, значит, наши все-таки сунули свой длинный нос в это дело!

— А как иначе. Ты же просто поможешь Реддвею разобраться в той макулатуре, которой они его наверняка завалят. А по Бэнк оф Трейтон работает межведомственная комиссия, справочку о ее успехах на сегодняшний день я тебе организую. И расслабься. Радуйся приезду друга. Визит Реддвее, Саша, всего-навсего красивая формальность.

— Да?

— Да. Или, по-твоему, кто-то рассчитывает, что он приедет и повяжет всех наших мафиози прямо в их логове? Нет, конечно. Американские конгрессмены желают быть в курсе наших изысканий, узнавая о них не из наших же телепрограмм, а от своего проверенного человека. Теперь все ясно?

— Угу.

— Последняя просьба, очень личная: в своих оргиях с Реддвеем будьте скромнее, хорошо?

— Обижаешь, Костя, какие оргии?! — хитро подмигнул Турецкий. Настроение у него заметно поднималось.

4

Черный. 8 сентября, 12.10

Ветеринар появился через десять минут. Черному как раз хватило времени натянуть джинсы и убедить Томми, что вопросы можно продиктовать ведущему ток-шоу, и непосредственно перед выступлением. Билл жалобно попискивал, косясь на свою окровавленную лапку.

— Желаете усыпить? — сочувственно поинтересовался ветеринар, осматривая больного.

— Ни за что! — возмутился Черный. — Гипсуйте.

Работа есть работа. Бизнес есть бизнес. Пожав плечами, врач вколол Биллу снотворное, наложил шину и выписал счет.

— Только она все равно будет хромать, — сказал ветеринар на прощанье.

— Это не она, а он! — Черный с треском захлопнул за ним дверь.

Остановился на пороге спальни, блокнот Басина продолжал нагло лежать на полу. Нет! К черту! Не буду его читать! Черный понесся на кухню.

Пора кончать с этим здоровым образом жизни! Наплевав на церемонии, в турке подогрел граммов сто саке, перелил в чашку, сделал большой глоток. Полегчало. Теперь бы еще съесть чего-нибудь. Но в холодильнике пылился только позавчерашний пакетик с китайской жареной лапшой, пригодной теперь разве что для Билла — из нее вполне можно построить прикольное гнездо. Или заказать какой-нибудь еды из ближайшего фаст-фуда? Впрочем, голодание полезно для прояснения мыслей.

До чертового ток-шоу всего три часа, надо бы просмотреть все-таки газеты, хорошо бы, конечно, еще и русские, хотя двадцать два миллиона остолопов, которые станут смотреть шоу с его участием, вряд ли их читают, а значит, реакцию русских на скандал можно высосать из пальца. Черный углубился в газеты, но этот, мать его, блокнот, точно магнит, притягивал к себе. Не глядя, пнул его ногой под диван, сделал еще глоток саке, прочел вслух первый абзац из передовицы «Нью-Йорк таймс». В голове не осело ни единого слова, мысли расползались, как тараканы на свету.

Ладно. Только одним глазком взглянуть — и в мусоропровод.

Черный вытащил из-под дивана желтый конверт. Отправитель — адвокатская контора «Штейн и Бергман», внутри кроме блокнота был еще сложенный вчетверо листок плотной бумаги с напечатанным на машинке текстом:

«Если вы читаете это, значит, до меня уже добрались. Наверное, я сам виноват. Красивые жесты и игру ва-банк могут позволить себе только избранные. Теперь я это понял окончательно. Сжечь эти записи у меня не поднялась рука, если сочтете нужным, сделайте это сами. Или воспользуйтесь ими для своей книги.

С уважением или без него,

Ефим Басин».

Козел! Черный разорвал письмо и конверт на мелкие кусочки и спустил в унитаз. Кто он вообще такой, этот, мать его, Басин?! А никто, мать его! Труп! Кусок мяса или вообще горка пепла. Ну встречались они один раз, причем в Москве. Было дело. Черного представили как VIP-тренера, а Басина? А Басин, кажется, представитель Иностранного банка России в Штатах. И все. Даже внешности этого Басина Черный толком не помнил, мелкий такой семит в очках, кажется...

Или без? Или не мелкий и не семит?

Короче, какая теперь разница?!

Ну, положим, о книге Басин мог узнать благодаря рекламной кампании, организованной Томми, но это же не повод, мать его! Или ему невесело умирать в одиночестве?

Черный встал на голову и попробовал расслабиться. Главное думать о чем-нибудь хорошем или вообще ни о чем не думать. Закрыв глаза, представил юную бледную гейшу в зеленом кимоно. Она мелко семенит к нему, развязывает пояс, медленно сворачивает его и кладет на пол, кимоно падает само собой, а под ним ничего нет. Он отчетливо видит ее деревянные сандалии (он же стоит на голове), они приближаются к его лицу, он силится рассмотреть, что над ними — бесконечно длинные ноги. Она молча расстегивает «молнию» на его джинсах, тянет их вверх. Черт! Нелегко устоять вверх ногами, когда тебя раздевают...

Надрывно запищал очнувшийся Билл. Черный вздрогнул и обрушился прямо на девушку. Но она, до того такая реальная и осязаемая, подло растворилась в воздухе, только пыль поднялась с ковра и заискрилась на солнце.

«Му-у!»

Черный прислушался к своим ощущениям — ничего, вроде все нормально. А с чего он, собственно, решил, что этот, мать его, Басин прислал ему бомбу? Может, он просто ищет хотя бы посмертного литературного признания и рассчитывает посредством Черного его добиться?

Билл судорожно дергал лапками, пытаясь встать. Черный подобрал с пола кусочек сыра и положил перед мордочкой любимца. Билл успокоился и с воодушевлением принялся за еду. До шоу осталось немногим более двух часов.

Черный уселся за стол и, больше ни на что не отвлекаясь, просмотрел прессу.

Суть скандала так и осталась для него загадкой. То есть все на разные голоса вопят, что русская мафия использовала солидные американские банки в роли дешевой китайской прачечной. Но чьи именно деньги отмывались, сколько все-таки было этих денег, почему все это мирно тянулось долгие годы и никого не тревожило, а теперь вдруг так возмущает — совершенно не ясно. Сначала «Нью-Йорк таймс» сообщает, что речь идет об отмывке около десяти миллиардов долларов через Бэнк оф Трейтон, а точнее, через фирму «Феникс Лтд», имеющую счет в упомянутом банке. Через неделю менее солидная «Ю-Эс-Эй тудэй» уточняет, что отмыто русской мафией было пятнадцать миллиардов долларов, а десять из этих пятнадцати были деньгами МВФ.

В отмывке, по мнению местных акул пера, участвовали виднейшие российские деятели: экс-премьер Чеботарев, председатель Союза промышленников и предпринимателей России Пичугин, семья Президента России, а руководили всей этой грандиозной аферой крестные отцы русской мафии.

Полная ахинея! Эти «специалисты» по России написали бы еще, что Клинтон пользуется одним банковским счетом с Хусейном, и то выглядело бы более правдоподобно. Или они думают, что все русские — братья, как негры? Нет, конечно, Чеботарев и Пичугин общаются по необходимости и даже без гранатометов... Но чтобы заставить их работать в единой команде, надо как минимум высадить их на необитаемый остров, заселенный каннибалами, и лишить всего необходимого. А особенно — сотовых телефонов.

И какая именно российская мафия имеется в виду? И каким образом десятки, пусть даже сотни, мать их, миллионов долларов, которыми оперируют российские группировки, превратились в пятнадцать миллиардов — сумму, близкую к федеральному бюджету России? Что же, выходит, эта таинственная безымянная группировка оказалась столь глупа, что поперла все деньги через один-единственный счет?

Но, видимо, зрителям ток-шоу бесполезно объяснять, что Пичугин не носит килограммовую «голду», малиновый пиджак и не отрывается в баньках с михасями и что медведей на улицах Москвы встретить практически невозможно, а их президент охоте с рогатиной пред-

почитает все-таки более цивилизованное времяпрепровождение. Не поверят же. Банально не по-верят...

Ага, вот и про Басина. «Нью-Йорк таймс» трехдневной давности:

«Адвокат Ефим Басин, рассказавший нашему корреспонденту о фактах коррупции и незаконной деятельности в Бэнк оф Трейтон и давший показания ФБР по делу Бэнк оф Трейтон, сегодня утром был убит в столице африканского государства Луганды. Несмотря на заверения министерства юстиции в том, что к охране столь важного свидетеля они приложат максимум усилий, Басин исчез из Нью-Йорка, но, как сейчас предполагает следствие, не был похищен, а исчез по доброй воле, не слишком доверяя пресловутой программе защиты свидетелей. На вопрос, был ли Басин единственным свидетелем по делу Бэнк оф Трейтон и есть ли у ФБР теперь, после его смерти, шанс довести дело до суда, представители ФБР отвечать отказались. Хотя заметили, что заявление Президента Луганды Джулая Тарубы о том, что убийство его гостя Ефима Басина — акция мятежников, направленная против него лично, — не стоит ломаного гроша».

Черного опять пробил мандраж. Поколебавшись, он все-таки осторожно, буквально двумя пальцами, поднял с пола блокнот, клятвенно пообещав себе в случае наличия явно опасных для жизни записей немедленно его сжечь, и наугад открыл страничку поближе к началу.

«3.03.1997

Бог мой! Она только что ушла, а я сижу в тазике со льдом, потому что из меня натурально валит дым. Еще час назад я думал, что умру или по крайней мере потеряю сознание от истощения. Я никогда в жизни так не трахался. Так и столько!!!

Я подцепил ее на вечеринке. Вернее, это она меня подцепила. Господи, там была такая скука! Ненавижу эмигрантские сборища, дряхлых монархистов с Георгиевскими крестами, их жирных жен и дебильных внуков, у которых русского разве что фамилии, и то урезанные на американский манер. Она пришла с Апраксиным, он весь вечер пускал на нее слюни и совал руку в глубокий (вызывающе глубокий) вырез платья на ее спине. А потом, пока какой-то старпер гнусавил километровый тост, она вдруг оказалась прямо за мной, и я почувствовал ее руку у себя на внутренней стороне бедра. Все вышло как бы случайно, она непринужденно потерлась о мое плечо и отошла не оглядываясь. Кто-то пригласил ее танцевать, она даже не смотрела в мою сторону, а я просто прирос к полу. Наверное, минут двадцать я представлял собой истукана, нет, натуральную окаменелость, а потом она отсалютовала мне бокалом шампанского и глазами поманила на балкон.

— Никки мне до смерти надоел, — обиженно заявила она. (Никки — это Апраксин.) — Вы не отвезете меня домой?

Естественно, я согласился. Только оказались мы почему-то не у нее, а у меня дома. О чем мы говорили в машине, я просто не в состоянии вспомнить. Дома я взялся готовить коктейли, а когда вошел в гостиную, она лежала на диване совершенно голая, заложив руки за голову и задрав одну ногу на спинку так, чтобы я видел все, что она хотела мне показать и даже больше того.

Не знаю...

На первый взгляд в ней не было ничего сверхъестественного, и вместе с тем она была необыкновенно великолепна.

В следующий момент и я оказался на диване. Наши тела сплелись в совершенно непостижимую комбинацию, и, сказать честно, я так и не понял, соединилась наша плоть или нет. Самое смешное, что я продолжал держать

в обеих руках стаканы, и... и совершенно уж непостижимо, как в таком случае мне удалось раздеться?

Господи, это был какой-то кошмар! Шесть часов она не слезала с меня (или я с нее?).

Вначале я решил, что она проститутка, слишком уж отточенной была ее техника, хотел дать ей денег и выпроводить, пока она не затрахала меня до смерти. Потом передумал, и, наверное, не зря, во всяком случае денег она не потребовала. Сказала, что ее зовут Марина, сказала, что она во мне не ошиблась и что позвонит завтра.

Бог мой, что значит — завтра? Завтра по отношению к тому моменту, когда мы встретились, то есть к вчера, или к тому, когда расстались, то есть к сегодня? Я уже хочу ее! Хочу прямо сейчас и не могу ждать...»

Извращенец, мать его! Черный пролистал блокнот и убедился, что большинство записей — это секс, мысли о сексе, мысли о мыслях о сексе и т. п. В лучшем случае — примечания к мыслям о мыслях о сексе... Может, переправить эту писанину в дамский журналчик для любительниц этих самых мыслей о мыслях?

По крайней мере, никаких цифр, номеров счетов и прочего явного компромата, из-за которого убийцы Басина могли бы охотиться за блокнотом, на первый взгляд нет.

5

Турецкий. 10 октября 14.40

Справку Меркулов передал буквально через полчаса. Только Турецкий сварил кофейку и устроился с сигаретой у открытого окошка поразмыслить, как бы им с Реддвеем развлечься посодержательнее, а секретарша Меркулова тут как тут. Хорошо хоть, чувство меры у коллег из межведомственной комиссии присутствует — справка оказалась на удивление коротенькой.

«Согласно информации, предоставленной министерством юстиции США, 27 августа с. г. генеральной прокуратурой Соединенных Штатов подписано постановление об аресте счета компании Phenix Ltd и возбуждении против ее руководства уголовного дела по факту отмыwania денег, приобретенных незаконным путем.

Федеральное расследование было начато ФБР ранее указанного срока без возбуждения уголовного дела: в соответствии с американским законодательством, чтобы уличить кого-либо в незаконном отмыwании денег, необходимо представить доказательства, что совершавший операции с этими деньгами знал или должен был знать об их криминальном происхождении и действовал, с тем чтобы скрыть его.

В ходе расследования правоохранительными органами США установлены следующие факты:

1. Компания Phenix Ltd зарегистрирована в Соединенных Штатах в 1996 году как предприятие с иностранным капиталом и принадлежит, согласно учредительным документам, гражданину Венгрии Томашу Батори. По данным МВД Венгрии, Томаш Батори числится пропавшим без вести с июня 1997 года. Официально Phenix Ltd занимается маркетинговыми исследованиями на рынке СНГ, оказывает консалтинговые услуги и юридическое содействие в сфере международной торговли. Однако легальная деятельность служит лишь прикрытием незаконных финансовых операций и ни в коей мере не может объяснить оборот 10 миллиардов долларов в течение последнего года; так, штат Phenix Ltd, к примеру, насчитывает всего 17 сотрудников, включая технический персонал.

2. Как показала проверка значительного количества банковских операций (было отслежено более 80 тыс. транзакций, в ходе которых через счет Phenix Ltd прошло 5,2 млрд долларов), б*!*o*!льшая часть средств поступала на счет и переводилась с него в течение одного рабочего дня, что является характерным только для валютных операций, которыми Phenix Ltd не занималась. В нарушение правил банковской деятельности в США Bank of Traton не сообщил о подозрительных транзакциях, которые не могли быть объяснены известными банку деловыми интересами клиента, в федеральное казначейство и иные контролирующие инстанции.

3. Фактическим владельцем Phenix Ltd, лично осуществлявшим все финансовые операции, является гражданин Российской Федерации Шестопал Станислав Глебович, работавший в 1998 году в представительстве России в МВФ. В январе 1999 года он открыл в Соединенных Штатах торгово-посредническую фирму и постоянно проживает в городе Нью-Йорке.

Однако поскольку Шестопап оперировал счетом Phenix Ltd при помощи компьютера, не вступая в личный контакт ни с представителями компании, ни со служащими банка, официально обвинение ему пока не предъявлено. (Следует полагать, что у ФБР нет надежных свидетельских показаний против Шестопапа, а данные о его причастности к финансовым махинациям получены оперативным путем с нарушением установленных правил и не могут быть представлены в суде. А основной свидетель обвинения — адвокат Ефим Басин — был убит 5 сентября с. г.)

4. Часть средств (не указано, какая именно), прошедших через счет Phenix Ltd, были переведены российскими импортерами известным фирмам, таким, как Sony, General Electric, Microsoft и пр., экспортирующим свою продукцию в Россию. Таким образом, налицо факты укрывательства от налогов, попадающие под действие статьи 199 УК РФ, субъектами предпринимательской деятельности, находящимися в нашей юрисдикции. Однако сведения, представленные американской стороной для возбуждения уголовного дела, явно недостаточны.

Резюме: в американских средствах массовой информации развернута агрессивная и массированная кампания, поддерживаемая высокопоставленными представителями различных официальных ведомств, лейтмотивом которой являются два утверждения:

деньги, прошедшие через счет Phenix Ltd, принадлежат «русской мафии»;

российские правоохранительные органы саботируют расследование с целью скрыть причастность к делу президента, сотрудников его администрации, а также известных политиков и предпринимателей, таких, как Чеботарев, Пичугин и др.

Но факты свидетельствуют об обратном. Во-первых, именно американские правоохранительные органы не желают идти на контакт с Генеральной прокуратурой РФ. Во-вторых, российская сторона официально уведомлена лишь об одном эпизоде, когда через счет Phenix Ltd прошли заведомо криминальные средства: 500 тыс. долларов, уплаченные в качестве выкупа за похищенного в Москве американского бизнесмена Джорджа Саймока в августе текущего года, что и позволило американским властям начать уголовное преследование против руководства Phenix Ltd. До настоящего момента в Генеральную прокуратуру РФ не поступало никаких сведений, позволяющих возбудить дело по признакам статьи 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем)».

— Очень содержательно! — прокомментировал Турецкий вслух, дочитав бумагу, и швырнул ее на стол. «Сонмище фактов просто. Теперь буду знать, даже о чем пишут «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост».

И начал наводить справки по убийству Апраксина.

...Известно было только, что Апраксин погиб второго числа. Но ни в сводке по городу, ни в сводке по области за второе сентября среди убитых американский гражданин по фамилии Апраксин не значился. На всякий случай Турецкий проверил данные за первое и третье сентября, результат аналогичный. Следовательно, на место происшествия милицию не вызывали. Что выглядит, мягко говоря, странно: не носовой же платок у этого Апраксина поперли. У

Меркулова тоже ничего выяснить не удалось: телефон молчал, секретарша сказала, что Константин Дмитриевич на совещании у генерального и сегодня, скорее всего, уже не вернется.

Турецкий рассеянно уставился в оконный проем, перебирая в уме версии: в каком необычном месте должно было произойти убийство, чтобы свидетели обратились не в милицию. В американском посольстве? В этом случае американцы расследовали бы дело сами, не обращаясь за помощью к ФСБ. Разве что во время приема... В таком случае под подозрение попадают не только сотрудники посольства, но и российские граждане, и без помощи ФСБ американцам не обойтись. Имеется только одно «но». Подобное дело невозможно держать в тайне не то что целую неделю — каких-нибудь несчастных полчаса.

Значит, посольство отпадает. Во время официальной встречи? Нереально по той же самой причине: телевидение и пресса раструбили бы в тот же вечер. На неофициальной встрече где-нибудь в Подмоскovie, в правительственной резиденции? Возможно, причем этот вариант самый паршивый. Дохлый, безнадёжный на сто процентов. Спрашивается, кто без ведома ФСБ может проникнуть в правительственную зону и убить американского банкира во время переговоров?! Бред. Если дело действительно так и обстоит, Реддвей здесь в Москве ничего не светит, сходим куда-нибудь, посидим как следует, и он следующим же рейсом может возвращаться домой: «контора» ему своих не сдаст. Ни исполнителя, ни тем более заказчика. В лучшем случае найдут козла отпущения, если будет сильно настаивать.

А ведь Питер наверняка будет...

На некоторое время Турецкий отвлекся от мрачных рассуждений и принялся размышлять о культурной программе для Реддвей. Реддвей — собиратель советских и постсоветских раритетов и вообще большой ценитель русской экзотики. Но в Москве Реддвей уже был, и в баню они уже ходили...

Набрал Грязнова. Грязнов подтвердил, что убийством Апраксина МУР не занимается и он об этом впервые слышит. Зато по поводу культурной программы выдал несколько предложений:

— У меня есть лыжи для прыжков с трамплина, а трамплин — на Воробьевых горах, там трасса из опилок, открыто круглый год.

— Лучше давай нырнем с Останкинской телебашни в Останкинский пруд, — огрызнулся Турецкий. — Слава, я тебя серьезно спрашиваю!

— Саня, надо быть проще. Могу организовать посещение борделя. Инкогнито.

— Да ну тебя!

Он хотел бросить трубку, но Грязнов пошел на попятную:

— Ладно, ты сам как маленький, с проблемными вопросами. Сделаем вылазку за город — в ведомственный санаторий — на один день. По такому случаю уж как-нибудь организую. Рыбалку хочешь? Или охоту? Комары, грязиза — как раз любимая твоим Реддвеем экзотика. А если пионерского задора нет — просто выпьем, и все будет нормально.

— Ясно, спасибо за мудрый совет. — Не попрощавшись, Турецкий нажал рычаг и сразу позвонил в справочную: его осенила новая идея. Гостиница! Убийство могло произойти в крупном отеле, где полно иностранцев и на каждого по два товарища в штатском...

Оказалось, в самую точку. В гостинице «Москва», которую он набрал третьей, старший смены капитан Овчинников после некоторой заминки, дважды переспросив у Турецкого фамилию и должность, посоветовал по поводу происхождения второго числа «обращаться сами знаете куда».

Окрыленный успехом, Турецкий включил компьютер и, покопавшись в Интернете, нашел данные на Апраксина: в 1965 году окончил Йельский университет, специальность: международная банковская и финансовая деятельность. Докторская степень: «правовые аспекты и практика международного вексельного обращения». Работал в полутора десятках банков и инвестиционных фондов — занимал высокие посты, вице-президент Бэнк оф Трейтон, член

распорядительного совета Ассоциации американских кредиторов, представлял ее интересы на переговорах с российским правительством после дефолта в августе 1998 года. Был еще некролог, датированный 5 сентября: «Трагическая смерть... Похороны состоятся 11 сентября. Отпевание в 10.00 в храме Св. Михаила, Манхэттен...»

Короче, никаких подробностей относительно убийства и цели последнего визита Апраксина в Москву.

Около четырех часов дня из Вашингтона позвонил озабоченный Реддвей.

— В аэропорт не приезжай, — без обычных продолжительных приветствий попросил он.

— Почему?

— Потому что... потому что кончается на «у». Я правильно сказал? — уточнил любитель русской экзотики.

— Правильно, правильно. Так почему не приезжать?

— Там будут люди из посольства, всякие формальности, все равно нормально поговорить не получится. Мы остановимся в гостинице «Москва», где-то в восемь утра будем на месте.

— По какому времени?

— По вашему, по аборигенскому.

— Хм... В гостинице «Москва», говоришь? Решил обосноваться поближе к месту преступления? — поинтересовался Турецкий.

— Какого преступления?

— Очнись, Пит, Апраксина твоего где убили? В гостинице «Москва».

— Убили?! Ты точно знаешь?! — вдруг возбудился Реддвей. — Значит, ваше ФСБ водит нас за нос! Ты даже не представляешь, как ты меня обрадовал! Убили! Завтра в восемь я тебя жду.

— Жди, конечно, — озадаченно хмыкнул Турецкий, давая отбой.

Черт, а на самом-то деле, откуда взялась версия убийства? Турецкий перебрал в памяти слова генерального и Меркулова: генеральный говорил об «обстоятельствах смерти», а Меркулов употребил слово «гибель», — может, автокатастрофа или самоубийство? Да, идиотизм какой-то. Неудобно получилось.

6

11 сентября, 8.00

Реддвей появился ровно в восемь в сопровождении свиты из пяти человек. Поздоровались очень сдержанно, из чего Турецкий сделал вывод, что Реддвей своему окружению не доверяет. Пока поднимались в лифте, он представил только одного из членов своей команды:

— Джеффри Симпсон, мой заместитель.

Симпсону было лет сорок. Немного сутулый, с залысинами, в аляповатых огромных очках, похож на ботаника, директора школы из американской комедии или затюканного жизнью, работой и семьей клерка из другой комедии. Следовательно, матерый шпион, заключил Турецкий. Умело сливается со средой.

Ребята из посольства выпили по коктейлю, пожелали Реддвею успехов и быстренько откланялись. Симпсон демонстративно зевнул и тоже удалился в свой номер. Реддвей вывалил на кровать содержимое чемодана, выкопал сверток с чем-то отдаленно напоминающим надувной матрац и вручил Турецкому.

— Презент.

— Слушай, Пит... — осторожно начал Турецкий, — я тут подумал про Апраксина...

Турецкий действительно весь вечер соображал, как быть с этим русско-американским трупом, и пришел к выводу, что лучше, пожалуй, будет признать скоропалительность своих выводов насчет убийства, чем потом его обвинят в провоцировании войны между ФСБ и ФБР. Или ЦРУ.

— Так вот, наверное, рано еще с уверенностью заявлять, убийство это было или несчастный случай...

— Расслабься, старик, — усмехнулся Реддвей. — Кого ты выгораживаешь? Я уже на них наехал, и они уже раскололись, что версия убийства тоже отрабатывается наравне с другими.

— Ура, — сдержанноотреагировал Турецкий.

— Ура, — подтвердил Реддвей. — Правда, доказательств пока мало, но с доказательствами мы им поможем, согласен?

— Согласен, — кивнул Турецкий. — Когда начнем?

— Чего я сейчас хочу больше всего, так это спать. Мало того что разница во времени сказывается, мне прошлую ночь конгрессмены спать не давали — разрабатывали стратегию по изничтожению вашей мафии. Да еще Симпсон доставал в самолете своей любовью, тоже отдохнуть не дал, так что давай отложим до вечера. А лучше до завтрашнего утра.

— Не понял. А вечером?

— А вечером скромненько по-стариковски развлечемся.

Пока Пит спит — надо же, в рифму, — короче, пока Реддвей отдыхает, не мешало бы вернуться к нашим баранам, решил Турецкий.

Вопреки его ожиданиям, межведомственную комиссию по делу Чеботарева создавать не стали. ФСБ само собой охладело к этому расследованию, межрайонной прокуратуре по рангу не положено такими делами заниматься, в результате, дорогой Александр Борисович, извольте разбираться лично, можно сказать, в гордом одиночестве. Правда, если вдруг разберетесь, тогда, конечно, все слетятся как миленькие каштанчиков потрескать, натасканных из пламени выносливой рукой «важняка».

Чеботареву только должно быть обидно: скончайся он от этого взрыва, была бы и правительственная комиссия, и личный контроль президента, землю бы носом рыли. А так все

думают, вдруг пострадавший придет в себя и своих убийц назовет и опознает, зачем же пупок рвать зазря? Хорошо хоть, муровскую бригаду с дела не сняли, есть шанс опросить всех свидетелей не за год, а в обозримые сроки.

Жалеть себя, конечно, приятно, вздохнул Турецкий, раскрывая тонкую еще папку с делом Чеботарева, можно даже пивка принять в утешение, да только толку-то?! С какой стороны за дело браться — непонятно.

Нет, пожалуй, пивом стоит поить все-таки не себя. Вернее, не только себя. Наверняка есть же на свете такие люди, которые о внутренней сущности экс-премьеров знают не только из газет, но и из более глубоких и тайных источников. И среди таких людей есть по крайней мере один, который наверняка, во-первых, любит пить пиво, особенно в рабочее время, а во-вторых, не откажется поделиться со старым товарищем драгоценными крупицами информации. Турецкий имел в виду Семена Школьников, в бригаде с которым не так уж и давно ликвидировал «картель правосудия».¹

Семен ушел из ФСБ и ныне трудился в ГУБЭПе, а кому, как ни управлению по борьбе с экономическими преступлениями, знать об источниках доходов сильных мира сего, а заодно и о всяких конфликтах между ними.

На пиво Школьников согласился без колебаний, но предложил попить его на нейтральной территории. Встретились у ворот Генпрокуратуры, особых пожеланий относительно места у Школьников не было, потому дошли до первого же кафе со столиками на террасе, уселись на воздухе, благо погода позволяла — было по-летнему жарко. Турецкий заказал «туборг» и соленых орешков.

— Так чем я могу помочь? — осведомился Семен, одним глотком осушив полбанки.

— Почему сразу — помочь? — лениво отмахнулся Турецкий, он разомлел на солнышке, о деле думать совсем не хотелось. — Может, мне просто пивка не с кем было попить, вот и вспомнил старого приятеля.

— Халявы на халяву не бывает, — нравоучительно заметил Школьников, тряхнув своей буйной шевелюрой. — Рассказывайте, а то у меня всего сорок минут времени.

— Ну ты сам напросился, — сдался Турецкий, открывая вторую банку. — Чеботарев меня интересует, вся его подноготная.

— Так на вас, значит, покушение это повесили, — ухмыльнулся Семен. — Примите мои соболезнования.

— Не издевайся, сам знаю, что гнилое дело. Только у нас сейчас все дела такие. Меня в первую очередь интересует мотив. Что эти подрывники с ним не поделили?

— Да что угодно, — опять оскалился Семен. — Степан Степанович у нас личность многогранная, он свои щупальца всюду запустил. Не то чтобы вообще все контролирует, но свой интерес имеет в огромном количестве областей народного хозяйства.

— А поконкретнее можно? Ты мне по вероятностям разложи.

— По каким таким вероятностям? — растягивал удовольствие Семен.

— Что бы ты сам, например, в первую очередь стал раскапывать? Газпром или ГКО? Или банковский скандал? А может, партийные дела?

— Да вы же сами все и разложили — как раз в порядке убывания вероятности. Я бы еще продолжил этот ряд убийством на бытовой почве, убийством из ревности или мести, потом бы вспомнил о маньяках... Короче, дело в том, что одного Газпрома вам хватит, чтобы целый год версии отрабатывать, там все настолько у них запуталось...

— Понимаешь, Семен, — прервал Турецкий, — меня время этого покушения смущает. Тут тебе банковский скандал и как бы вследствие — подрыв Чеботарева. Я справочку прочитал про наши успехи в этом деле, так там фамилия Чеботарева фигурирует.

¹ См. роман Ф. Незнанского «Картель правосудия» (М., 1999).

— А кто, спрашивается, эту справочку готовил?

— Ты, что ли? — запоздало сообразил Турецкий.

— Каюсь, не обошлось без вашего покорного слуги.

— Ну вот и чудненько, — обрадовался Турецкий. — Давай тогда ты мне ее человеческим языком перескажи с комментариями, а заодно поясни, почему ты Чеботарева в нее включил, но при этом раскапывать его связи со скандалом сам стал бы чуть ли не в последнюю очередь?

— Без проблем, только у меня пиво кончилось, — тонко намекнул Школьников.

Турецкий заказал еще по две банки.

— Значит, излагаю популярно: соль в том, что где-то в далекой Америке существует фирма «Феникс Лтд», у нее имеется владелец — некий венгр, который на самом деле таинственно исчез, реальный владелец — Шестопал, и счет...

— ...в Бэнк оф Трейтон, — закончил Турецкий. — Это я уже усвоил.

— Делаете успехи.

— Комплименты потом. Ты мне расскажи, известно ли хотя бы приблизительно, чьи деньги отмывались?

— Да чьи угодно!

— Как это?

— Любой, кто желал перевести доллары за границу, мог воспользоваться услугами «Феникса». Конечно, крупные банки в таких конторах не нуждаются, у них есть собственные «прачечные». Но небольшой банк, или импортер каких-нибудь памперсов или тех же окорочков, или опять же мафиози средней руки — вот это как раз подходящие клиенты. А незадолго до печально известного 17 августа 1998 года через «Феникс» якобы прошли очень крупные суммы. То есть мы этого доподлинно не знаем, но фэбээровцы на это намекали оч-чень недвусмысленно. Это, кстати, вполне могли быть деньги, полученные от продажи ГКО.

— А избавлялись от них те, кто знал о том, что скоро лавочка закроется, — согласно кивнул Турецкий. — Но Чеботарев-то знал, то есть наверняка знал.

— Думаете, ему захотели отомстить те, кого он не предупредил вовремя? Так что же они больше года ждали?! За такое надо мочить сразу, не сходя с места.

— Хорошо, допустим. А фэбээровцы не намекали, кто конкретно тогда, в августе, гонял деньги?

— Не намекали, потому что опять же кто угодно. Здесь, правда, вряд ли можно заподозрить торговцев памперсами, но средние банки или даже крупные банки, причем есть мнение, что не один и не два, а очень многие, устроили «постирушки» в «Фениксе». Причем крупные банкиры оставили собственные «прачечные» без работы не из любви к господину Шестопалу, а потому, что спешно распродавали свои личные ГКО. После обвала банк или его филиал оказывается банкротом, клиенты несут убытки, а банкиры в плюсе.

— А при чем тут МВФ? — спросил Турецкий. — Может, Чеботарев свистнул пару миллиардов из кредитов?

— Да не в том дело, — поморщился Школьников, словно объясняя ребенку таблицу умножения. — Это только фигурально средства валютного фонда. Кредитов, как таковых, никто не крал, ибо это невозможно в принципе. Просто, согласно нашей тогдашней макроэкономической стратегии, доллары МВФ в большинстве своем вбухивались в пирамиду ГКО, а теперь американцы заявляют, что мы занимались не поддержкой национальной валюты, а отмыванием денег. Только их самих неплохо бы спросить: куда же они, любезные, смотрели? Они же весь процесс контролировали.

Тут Школьников посмотрел на часы и заторопился:

— Спасибо за пиво, Александр Борисович, если вы меня немного проводите, я вам еще что-нибудь расскажу.

— Пойдем, погода вполне для прогулок подходящая, а интересует меня в первую очередь вот что: кто, на твой взгляд, реальный владелец этого «Феникса»? Русская мафия в Америке?

— С таким же успехом можно заявить: американская мафия в России, — расхохотался Школьников. — Видите ли, Александр Борисович, вы вольны с этим не соглашаться, но пусть это будет мое личное мнение, и я его разделяю. Словом... — Он немного замялся.

— Словом?

— Думаю, что контора была чистая.

— Что?! То есть ты хочешь меня убедить, что на такой Клондайк никто не наложил лапу? Неужели в наше время такое еще возможно?

— Основными клиентами «Феникса» были импортеры, причем крупные импортеры. И их, даже исходя из тех документов, которые смогли добыть фэбээровцы, было много — сотни. А такое количество разных фирм стали бы пользоваться одной «прачечной», только если они были уверены, что эта «прачечная» чистая, согласитесь. И после проводки ста тысяч долларов к каждому владельцу фирмы не придут серьезные дяди и не попросят отстегнуть по восемьдесят тысяч из каждой ста в фонд поддержки русской мафии. Может, это звучит довольно дико, но по большому счету услугами «Феникса» пользовались обычные честные предприниматели, радеющие и о процветании родной страны в том числе, а главное — не имеющие ничего общего с криминальными структурами.

— Сема! Что ты несешь? — возмутился Турецкий. — Народ гонит бабки за бугор, ни черта не платит налогов, а ты их называешь честными?

— В наших условиях, при наших законах, с таким налоговым кодексом — они вполне соответствуют определению «честные». Если бы они платили все, что положено, они бы просто разорились или вынуждены были бы настолько поднять цены на ввозимые товары, что те же окорочка и памперсы стали бы предметом роскоши, недоступной девятистам пяти процентам населения России. Вот смотрите: предположим, вы ввозите в Россию товара на один доллар. Вам надо заплатить таможене примерно сорок центов. Но вы прекрасно понимаете, что за один доллар ваш товар раскупят быстрее, чем за доллар сорок, поэтому вы пошлину платить не хотите. Тогда вы заключаете с поставщиком липовый контракт о том, что ваш товар стоит десять центов, и платите пошлину четыре цента. А оставшиеся девять центов переводите поставщику через «Феникс». Заметьте, что эти левые доллары в основном даже не исчезают из России навсегда. Они возвращаются в виде товаров. Они крутятся через «Феникс» десятки раз, чтобы мы с вами могли что-то купить дешевле. Именно этим и объясняются огромные суммы, прокачанные через счета «Феникса». По нашим подсчетам, «Феникс» обслуживал до десяти процентов всего российского импорта.

— Ни фиги себе, — присвистнул Турецкий.

— Конечно, с точки зрения американцев, «Феникс» — контора преступная. Шестопал работал без лицензии на такого рода операции, и он бы ее не получил, даже если бы очень захотел. Так что Шестопала они, наверное, посадят.

— А «Феникс»?

— «Феникс», естественно, ликвидируют, только на его месте появится новый. — Семен невесело ухмыльнулся. — Восстанет из пепла, и все пойдет по-старому.

— Как-то угнетающе это все звучит, — вздохнул Турецкий, только теперь сообразив, что, вместо того чтобы провожать Школьников, они топчутся у ворот Генпрокуратуры. — Полная бесперспективность, значит?

— С ветряными мельницами, Александр Борисович, надо бороться, не наезжая на них с копьём, а посредством постройки современных мукомольных комбинатов.

7

Черный. 8 сентября, 17.40

Ток-шоу закончилось благополучно: русскую мафию заклеили, американский образ жизни признали единственно верным. Правда, у Черного еще часа два ломило зубы — он так их стискивал, чтобы не заржать в присутствии восторженных слушателей, что многие наверняка решили, что у него многочисленные и непоправимые дефекты речи. Матерый шоумен, ведущий, живенько переводил его скудные реплики на язык, понятный дебильным детишкам, а заодно щедро сдабривал собственными дурацкими комментариями, от которых у Черного просто слезы от сдерживаемого хохота на глаза наворачивались.

Короче, все остались довольны. Особенно Джексон, ну и, конечно, миллионы телезрителей. Которые уже звонят в ближайшие книжные магазины, желая первыми завладеть личным экземпляром бестселлера «Бизнес и политика по-русски», чтобы окончательно постичь темные глубины современной русской души.

По дороге домой Черный заехал в японский ресторанчик, взял дюжину суси, сушеных кальмаров, пару токкури саке, собираясь отметить свой успех на Си-эн-эн наедине с Биллом. Биллу, не врубающемуся в тонкости японской кухни, пришлось купить традиционного сыра.

Билл явно поздоровел за время отсутствия Черного, по крайней мере смог самостоятельно перебраться из своего лежбища в книжном шкафу на стол и возлежал на басинском блокноте. Черный оставил без комментариев интерес любимца к порнографической литературе и приступил к сложному церемониалу приготовления торжественной трапезы. Саке, подогретое на водяной бане, переместилось на стол в специальной подставке, токкури-хакама, бутерброды и ломтики кальмаров разложены на блюде в художественном беспорядке, сыр нарезан кубиками. Черный поджег палочку благовоний, наполнил маленькие фарфоровые стаканчики, очоко, и, усевшись на ковер, с удовольствием сделал первый глоток.

— За миллионы, Билли! — Миллионы чего и чьи миллионы, он уточнять не стал.

Билл проигнорировал свой стакан, но ринулся к сыру, как голодающий Поволжья. Примерно за час Черный целиком опустошил одну бутылку и наполовину вторую.

Легкое похмелье всегда подвигало его на героические поступки, он страхнул Билла на подушку и без колебаний открыл басинский блокнот.

«5.03.97

...Итак, она не проститутка. Я о ней по-прежнему практически ничего не знаю и не знаю, хочу ли я что-то узнать...»

— Ну, и правильно! — энергично прокомментировал Черный. — Главное, чтоб трахалась круто.

«11.03.97

...Фактически я работаю на ее мужа. И наплевать! Он неизвестно где, и ему, похоже, тоже наплевать. А в конце концов, чем я хуже Апраксина? Его же он не кастрировал...

14.03.97

Затащила меня ночью в метро, было холодно и страшно неудобно. Ей явно не хватает экзотики. Заказал ложу в оперу, посмотрим, как ей понравится

трахаться под Вагнера. Обещала познакомить с подругой, кажется, будет что-то грандиозное».

— А подробности?! — Черный долистал до более или менее длинной записи. — Ого! Десять страниц почти.

«17.04.97

Марина приехала не одна. Мало того. Опоздала на час.

Надо знать Марину, чтобы понять, что для нее значит опоздать на целый час. Позавчера наш «торжественный вечер» продолжался до шести утра, во всяком случае, когда я сворачивал для нее «наипоследнейший» косячок, на часах, по моим ощущениям, было без десяти шесть и незадолго до этого я выключил свет, потому что стало уже достаточно светло — в совокупности слишком логично для галлюцинации. Потом я отнес Марину на тахту (оставить ее тело в кресле я почему-то счел недостойным, а тахта — самое низкое лежбище в моей квартире, и с учетом упадка сил мне представлялось, что уложить ее туда будет проще всего — бред!). Я еще с наркотическим сарказмом подумал тогда, что моя леди-супербизнес пропустит свое суперважное совещание и не сделает свой эпохальный доклад, о котором она только и болтала всю ночь.

В самый неподходящий момент она ляпнула под руку: «После моего выступления все эти старперы из Бэнк оф Трейтон просто кончат!»

И я не смог, черт побери!

Я чуть не ударил ее от злости, я подумал, что она может вести деловые переговоры по телефону во время секса и получать полное удовлетворение.

От удачно заключенной сделки, разумеется.

С мужчинами она встречается просто по инерции, по привычке, она может купить себе жеребца, но в этом нет смысла: деньги доставляют ей оргазм непосредственно. Возможно, я все-таки ее ударил, как раз перед этим мы одолели третью порцию травки и воспоминания мои местами довольно зыбки. Если так, она, видимо, не поняла, в чем дело, решила, что это — проявление страсти...

В одиннадцать меня разбудил назойливый писк. Меняхватило на то, чтобы сообразить — это сотовый телефон, он лежал на стуле прямо перед моими глазами и издавал эти отвратительные звуки. Звонила какая-то Наташа. Услышав мой голос, она извинялась, давала отбой и звонила снова. На третий или четвертый раз она наконец решилась спросить, как меня зовут, и попросила пригласить госпожу Митину, тут до меня дошло, что это сотовый не мой, а Марины. Я честно признался, что не в состоянии подняться, и Марина, безусловно, тоже. Однако я оказался не прав. После двух Марина заехала ко мне за своим телефоном, сообщила, что доклад прошел на ура, по ходу ее выступления старперы действительно кончали бурно и неоднократно и сразу после подписания документов о слиянии Бэнк оф Нью-Джерси и Бэнк оф Трейтон она займет в Трейтоне должность старшего менеджера департамента Восточной Европы. По ходу своего восторженного монолога она пожаловалась, что совещание перенесли с девяти на восемь, поэтому она чувствовала себя немного (!) не в своей тарелке.

Итак, сегодня она опоздала на час. С ней была томная, как мне поначалу показалось, холеная брюнетка лет тридцати пяти. Они никак не могли наговориться, и в течение минуты, пока Марина нас наконец не представила, я успел прояснить для себя, что это та самая Наташа, фамилия ее Пушкина (ни больше ни меньше!), они с Мариной коллеги по Бэнк оф Нью-Джерси, причем Наташа занимает более высокий пост, что родилась она в России, а в Штаты переехала на несколько лет раньше Марины, что она шесть раз (!!!) была замужем, но в настоящий момент свободна. Такие дела...

Минут пятнадцать мы вели светскую беседу, Наташа скромно поддакивала и поглощала виски. Уговорив полбутылки, она совершенно преобразилась: не могу сказать, чтобы она выглядела пьяной, но решила, что мы с Мариной не знаем, чем себя занять, и поэтому взяла бразды правления в свои руки.

— Фима, вы знаете, кто такой Марк Вуд?! — Она поймала меня за руку, но тут же, передумав, отпустила и схватилась за мое колено. От неожиданности я чуть не опрокинул столик, на котором стояло ее виски.

— Какой-то хрен из Трейтона. — По ее тону я догадался, что она не испытывает симпатий к этому субъекту.

— О-о! Вы разбираетесь в людях! Вы знаете, какая должность мне светит в Трейтоне его стараниями? Впрочем, в отличие от Марины, я не так уж обеспокоена служебным ростом, — тут мне показалось, что она с трудом сдерживает зависть, — я считаю, что у меня еще все впереди. И вообще, сила женщины в том, чтобы помыкать мужчинами, а не руководить ими по службе, как вы считаете? — Она целиком забралась мне на колени. Марина, похоже, возражений не имела.

— Это тест? Мною, как адвокатом, заинтересовался тайный союз феминисток?

— Это был риторический вопрос. — Она устроилась поудобнее, и я почувствовал, что в ней определенно что-то есть. — А Вуд — жалкий импотент. Как-то затащил меня в отель «Рояль», в президентский номер, представляете?

— Нет.

— И правильно. Бросал, мерзавец, к моим ногам вид Манхэттена на закате с сорок первого этажа. — Она расхохоталась. Сперва это выглядело абсолютно ненатурально, но через несколько секунд тело ее забилося в конвульсиях, а по щекам потекли самые настоящие слезы. — Потом так обстоятельно извинялся. — Она прыснула еще сильнее, и я схватил ее за плечи, иначе она грохнулась бы на пол. — Самое смешное! Я случайно подслушала, он сегодня приглашал какую-то мисс Софи в тот же самый номер.

Она сорвалась и убежала в соседнюю комнату. Я слышал, как она с кем-то говорит по телефону, но слов разобрать не смог. Вернулась, отрывисто спросила:

— Здесь есть какая-нибудь площадка поблизости?

— Баскетбольная, за домом... — ответил я, ничего не понимая.

— Идем!

Мы все втроем вышли на улицу. Надо заметить, что Марина сохраняла полное спокойствие и понимание ситуации. На всякий случай я прихватил с собой непечатую бутылку, чтобы напоить Наташу, если она станет слишком невыносимой.

Я чуть не упал.

На баскетбольную площадку приземлился вертолет. Изнутри он напоминал лимузин: кабина пилота отделена от пассажиров поднимающимся стеклом, общаться можно было через переговорное устройство. Но общаться не пришлось: Наташа распорядилась обо всем заранее. Мы подлетели к отелю «Рояль», пилот направил прожектор в окно президентского номера. Я отчетливо рассмотрел парочку: женщина после секундного шока с головой ушла под простыню, а мужчина в оцепенении уставился в нашу сторону, прикрыв глаза ладонью. Наташа, распахнув дверцу и рискуя выпасть с высоты сорок первого этажа, закричала в мегафон:

— Мистер Вуд! Номер окружен! Соппротивление бесполезно! Вылезайте из-под простыни и подойдите к окну с поднятыми руками! — Она отбросила мегафон и повернулась к нам с Мариной, возбужденно указывая пальцем: — Смотрите! Он обделался! Ха-ха-ха. Обделался! — Потом она набросилась на меня, судорожно пытаясь стащить с меня брюки. — Фима! Давай им покажем, как это делается в Одессе!

Справившись с моими брюками и в мгновение ока расставшись с собственными одеж-
дами, она прыгнула мне на колени и принялась гарцевать, сопровождая свою скачку побед-
ными выкриками.

Марина скомандовала пилоту:

— Уходим! Покажи высший пилотаж!

Она тоже сбросила с себя все и, пристроившись к Наташе сзади, начала ласкать ей спину,
плечи и грудь. В результате Наташи хватило ненадолго: она несколько раз натужно простонала
и повалилась на соседнее сиденье совершенно обессиленная, как будто секунду назад добежала
до финиша марафонской дистанции. Марина тут же заняла ее место. В этот момент пилот
исполнил полученное от Марины указание и заложил такой вираж, что, будь я занят чем-то
другим, все содержимое моего организма немедленно перекочевало бы на пол салона.

— Послезавтра я уезжаю в командировку в Венгрию и Польшу, — сказала Марина, акку-
ратно съехав на кучу одежды и стирая руками пот с груди, — как назло, с Марком Вудом. —
Она нащупала в моих вещах бутылку виски и вылила несколько капель на кровоточащую сса-
дину на плече: видимо, она слишком импульсивно снимала бюстгальтер.

Наташа отобрала бутылку и, сделав несколько больших глотков, поспешила ее успокоить:

— Не переживай, я не дам Фиме скучать. Клянусь моей треуголкой! — Она приоткрыла
дверцу, швырнула бутылку в Гудзон и, подождав секунд десять, крикнула вниз через мега-
фон: — По-обереги-и-ись!»

— Итого! — рявкнул Черный Биллу, захлопывая блокнот. — Леди и джентльмены.
Кстати, леди и джентльмены, анекдот вашему вниманию. «Сержант выдает солдатское жало-
вание. Выкрикивает фамилии. «Смит!» — «Я!!!» — «Получи, распишись!» — «Вессон!» —
«Я!!!» — «Получи, распишись!» — «Джексон!» — «Я!!!» — «Получи, распишись!» — «Нифи-
гасебефамилия!» — «Я!!!» — «Получи, распишись!» — «Итого!» — «...» — «Итого!» —
«...» — «Куда он делся?.. Вот придурок!.. Больше всех ведь получает!»

Черный раскланялся воображаемым слушателям.

— Благодарю, благодарю... Что?! Кто тут обвиняет меня в плагиате?! Как старый анек-
дот?! Ну действительно немолодой... Итак, на чем мы остановились? А! Итого! Итого, перед
нами классический пример записок закомплексованного сексуального маньяка, жертвы поло-
вого террора и вообще полного, мать его, придурка-графомана. Литературной ценности эти
мемуары не имеют. Тем более они, безусловно, не нужны лицам, запачканным банковским
скандалом, и их преследователям. А посему историческое место им в мусорном баке. Жела-
ете возразить? Может быть, мои доводы кажутся вам неубедительными? Хорошо! Последний
аргумент: сейчас мы позвоним этой вот Наташе Пушкиной и предложим ей самой утилизиро-
вать эти литературные отбросы.

Черный пролистал телефонный справочник. Пушкиных в нем было гораздо меньше, чем
Джонсов и Смитов, Пушкина Н. вообще была только одна. Черный набрал номер и врубил
громкую связь, чтобы Билл тоже слышал весь разговор. Трубку взяла женщина, но, судя по
голосу, довольно древняя старуха.

— Могу я поговорить с Наташей? — Черный бодро подмигнул Биллу.

На том конце провода послышался вздох, покашливание, еще вздох и, наконец, всхли-
пывающий возглас:

— Наташа умерла!

Черный подозрительно посмотрел на Билла, тот жевал сыр и вообще делал вид, что,
кроме сыра, его ничто не интересует.

— Мне жаль, извините, я не знал... Я сегодня прилетел из России, хотел передать при-
веты... — Черный лихорадочно соображал, как бы ненавязчиво выпросить, как умерла Пуш-

кина, было ли это связано с Бэнк оф Трейтон или с Басиным. В результате спросил в лоб: — А... но что с ней случилось?

— Автомобильная катастрофа, — уже более спокойно ответила старуха. — А вы давно знали Наташу Пушкину, мистер... мистер...

— Лермонтов, — не раздумывая, брякнул Черный. — Примите мои соболезнования. Извините.

Он бросил трубку и воззрился на мышь:

— А может, она просто перепила и врезалась в столб?! Судя по тому, что записал о ней этот маньяк, с нее станется... вернее, сталось... Молчишь?! И правильно молчишь! Мы сейчас еще проверим этого Никки Апраксина!

Черный еще раз перелистал справочник.

— Резиденция Апраксина, — деревянным голосом ответил дворецкий, или мажордом, или камердинер, короче — явно возомнивший о себе слуга.

— Я хотел бы узнать... — начал Черный.

— Отпевание одиннадцатого в 10.00, сэр, — прервал дворецкий. — В соборе Святого Михаила, цветы посылать в похоронное бюро «Крамер и сын».

Черный остолбенел.

Через некоторое время Билл доел все, до чего мог дотянуться, и теперь вылизывал лапу.

— А они ехали в одной машине! — заорал на него Черный. — Понял?!

Он прямо из горлышка допил sake и пересел на подоконник. Разглядывание уличной толпы свысока всегда его успокаивало. Появилось острое желание сбросить токкури вместе с токкури-хакамой кому-нибудь на голову или на крышу машины на стоянке. Темно-зеленый «форд» и мужик, усердно протирающий стекло, были просто идеальной мишенью.

Черный вдруг вспомнил, что видел этот «форд» или такой же около телестудии, и рядом с японским рестораном тоже... И... кажется, за такси, в котором он вернулся домой, тащилась похожая колымага.

Как бы в подтверждение того, что он здесь не просто так, мужик посмотрел на окна Черного, залез в машину, но не уехал.

— Билли!!! А у меня теперь тоже есть «хвост»!

Хмель бродил в голове, и тяга к подвигам не проходила. Черный энергично пролистал басинский блокнот, отыскал еще одну редкую для Нью-Йорка фамилию — Шестопал, живо выяснил номер и позвонил.

— Мне нужен мистер Шестопал.

— Я слушаю, — сказал ровный голос. — Говорите...

Черный нажал на рычаг.

— Бинго! Попался, мать твою! Слышал, Билл? Он попался. Сейчас я заявлюсь к нему на дом и подарю ему этот опус, там про него написано, вот пусть он и разбирается, что с этим делать. А предварительно я отучу этого протиральщика стекол разглядывать чужие окна.

Вооружившись бейсбольной битой и прихватив басинский блокнот, Черный вышел из дому. Но темно-зеленого «форда» на стоянке уже не было.

— Зассал, мать твою?! То-то же! Зассал — так и скажи.

Но на Тридцать шестой улице, где жил Шестопал, Черного ждало горькое разочарование. Шестоपालа дома не было. Консьержка сообщила, что «мистер Шестопал уже месяц как в отъезде и никто не знает, где именно».

— Не может быть, — заартачился Черный, — я же с ним сегодня разговаривал.

— Не может быть, — уверенно заявила консьержка. — Позвоните еще раз.

Черный набрал номер.

— Але, мистер Шестопал?

Через секунду размеренный голос ответил:

— Я слушаю. Говорите после длинного сигнала. Я слушаю и записываю...

Мать его! Это был автоответчик. Нет, надо определенно что-то предпринять.

— Вы знаете, — плаксиво промямлил Черный, — ну просто ума не приложу, что же делать. Я его адвокат, и тут такой случай... а он меня не предупредил, что собирается уезжать...

— Адвокат? — индифферентно спросила консьержка.

— Да. — Черный протянул ей визитку, на которой крупными буквами было написано: «СН. Р. R».

И никаких телефонов и адресов. Это, конечно, можно было перевести как угодно.

— Даже не знаю, как вам объяснить, — мямлил Черный. — У мистера Шестопада умерла богатая знакомая и...

— Я слышала, сэр, — округлила глаза консьержка. — Ее убили, какой ужас!

— Да... и она... оставила мистеру Шестопаду все свое имущество, — несколько натужно соврал Черный, интенсивно, впрочем, развивая эту мысль. — Но завещание составлено таким хитрым образом, что он может все упустить, если немедленно, с моей помощью, не предпримет некоторые шаги. Но как же он их предпримет, если об этом ничего не знает?! — «А ведь в этом есть некоторый смысл, мать его!»

У консьержки медленно, но верно загорались глаза.

— И если бы вы помогли мне найти его, то...

Наживка была слопана немедленно.

— Сэр, у меня есть номер мистера Шестопада! — выпалила она. — Для подобных экстренных обстоятельств.

— И? — Черный был даже несколько разочарован столь быстрым успехом, предполагая значительный торг за право попасть в квартиру Шестопада («даже не попасть, мэм, просто посмотреть одним глазком в замочную скважину, конечно, одним, кто это, интересно, смог бы двумя»).

— И?

Черный спохватился:

— Полагаю, мэм, что вижу перед собой настоящую американскую патриотку, которой изображение великого человека своей страны должно быть особенно дорого.

— Кого именно, сэр?

— Допустим... — Он полез в бумажник: — Что вы скажете о президенте Гамильтоне, мэм? — Высунул десятидолларовую бумажку.

— О Гамильтоне, — разочарованно протянула консьержка. — Я думала, мы ведем речь о величайшем из американцев...

— Я догадался, мэм, — перебил Черный, — вы, конечно, говорите о Линкольне.

— Вы хотите меня оскорбить! Я имею в виду Бенджамина Франклина. Я как раз коллекционирую его изображения.

— Н-да. — Торг был явно уместен. — А что вы думаете о Джеконе? — Он продемонстрировал двадцать баксов.

— А что тут думать? За одного Джексона двух гамильтонов дают. Сойдемся на Гранте, мистер, как там вас, СН. Р. R., кажется?

— Забудьте эти буквы.

— Давайте встретимся, — продолжал упорствовать Черный, дозвонившись-таки до Шестопада. — Это в ваших же интересах. Сами видите, что творится с вашими знакомыми. Скажите где, и я подъеду.

— Но я даже не в Штатах, вы не понимаете! Я в Голландии, в Амстердаме.

— Да я завтра там смогу быть! — заявил Черный, проклиная все на свете. — Слетаю на один день, черт с вами!

— Ладно, — после паузы сказал Шестопал. — Отправляйтесь по улице Приксенграхт. Перейдите мост Магере и, очутившись на другой стороне канала, стойте возле ближайшей телефонной будки. Ровно в десять вечера.

8

Турецкий. 11 сентября, 12.20

После разговора со Школьниковым Турецкий пребывал в растерянности. С Чеботаревым ничего не прояснилось. Главное — мотив. По-прежнему ни одного мотива, точнее — сто, две-сти равновероятных мотивов. Что на самом деле в сто раз хуже. И как, интересно, начальство представляет дальнейшее расследование? Будьте любезны, уважаемый Александр Борисович, допросить деловых партнеров Чеботарева: финансистов, чиновников, политиков, включая президента, две-три тысячи человек, не считая зарубежных товарищей. Потом проанализируйте их показания, найдите в них противоречия, а параллельно допросите всех свидетелей и установите обстоятельства покушения, вдруг киллер оставил автограф в книге почетных гостей.

Да, самое главное забыл: всем этим следует заниматься между делом, в перерывах между содействием Реддвее! Турецкий раздраженно обвел взглядом кабинет и уперся в реддвеевский сверток.

Там был не резиновый матрас, как ему сначала показалось, а резиновая кукла — голый мужик метра полтора ростом на пластиковой платформе с дырками для крепления к полу. «Залейте свежей водой и пользуйтесь с удовольствием», — перевел Турецкий крупную надпись поперек инструкции. Это что, прикол? Утонченное издевательство? Кукла из секс-шопа? Тогда почему мужик? В чем, интересно, Реддвей его подозревает? Бред какой-то. Он оторопело повертел в руках подарок: не домой же его нести, в самом деле, — Ирина Генриховна на смех поднимет, в кабинете поставить — несолидно, засунуть куда подальше — Реддвей обидится.

«Важняк» пробежал глазами инструкцию: «...откройте клапан «А» и, поворачивая его ободок по часовой стрелке, добейтесь, чтобы он принял форму воронки. Залейте 50 л воды — и «Beat boy» готов к удовлетворению вас. Воду рекомендуется менять не реже одного раза в неделю...»

«Beat boy»? А! Мальчик для битья! Ну слава богу. Хотя на вид натуральный тренажер для гомиков.

Турецкий отодвинул от стены вешалку и примерил резинового пацана в образовавшуюся нишу — нормально, если аккуратно развесить плащ, бит-бой почти не виден. Завернув его в газету, он направился в туалет, дождался, пока все разойдутся, запер дверь на швабру и попытался, следуя инструкции, наполнить водой. По инструкции не получилось: «ободок клапана А» желал принимать воронкообразную форму только в состоянии «закрыто», когда вода внутрь не поступала. На самом клапане Турецкий обнаружил едва различимую надпись: «Made in China». Ну конечно. А то кто-то сомневался. Вся контрабанда делается в Одессе на Малой Арнаутской улице.

Пришлось вернуться, соорудить из полиэтиленового пакета и скотча подобие гибкого шланга и предпринять еще одну попытку.

Наполненная водой резиновая туша оказалась чертовски тяжелой и непригодной для переноски. А в коридоре, по закону подлости, столпились коллеги.

— Следственный эксперимент, — пояснил Турецкий, предвосхищая дурацкие вопросы, преодолел из последних сил остаток пути рысью, чтобы не слышать смешков за спиной, ввалился в кабинет и поскорей захлопнул за собой дверь.

— Фух! — Ткнул бит-боя пальцем в живот, отчего по его телу пошла волнообразная дрожь. — Раз в неделю тебе воду менять?! Не дожدهшься!

Около часа он просидел над протоколами допросов свидетелей и рапортами (после того как первая волна больших начальников с места преступления схлынула, муровская опергруппа, прикомандированная к прокуратуре, во главе с майором Семаго проделала первую черновую работу). Всего было допрошено более сорока человек: охрана офиса, технический персонал, посыльный из ресторана бизнес-клуба, приносивший в офис обед накануне происшествия, личный шофер, четверо телохранителей и жена Чеботарева. Ничего существенного в их показаниях не содержалось.

Жена Чеботарева заявила, что накануне покушения не заметила в поведении мужа чего-либо странного и необычного: он не был подавлен или расстроен. Хотя вообще-то, с другой стороны, Степан Степанович не имел обыкновения обсуждать в кругу семьи свою политическую и финансовую деятельность. Супруга слышала, как он позвонил Романову и назначил ему встречу (у Чеботарева, оказывается, привычка разговаривать по мобильному телефону, сидя на стуле в прихожей, и в это время не спеша обуваться). Больше он никому в то утро не звонил. Шофер и телохранители подтвердили, что из дома Чеботарев поехал прямо в офис, встретил Романова на стоянке в 9.55 и поднялся вместе с ним в свой кабинет. Взрыв произошел в 10.05. Подробности, которые Романов накануне сообщил Турецкому, в деле отсутствовали: больше его не допрашивали. Подтвердить или опровергнуть его слова пока некому: ни Чеботарев, ни его секретарша в сознание еще не пришли.

Согласно показаниям начальника охраны «Степан-Степаныч-офиса», в здании размещаются также общественная приемная движения «Единение» и фонд «Россия», созданный при активной поддержке Чеботарева в его бытность премьером (на первом этаже, а собственно офис — на втором). Ежедневное число посетителей — около двухсот человек, из них пятнадцать — двадцать принимал лично Чеботарев. Вход в здание свободный с 9.00 до 18.00. Имеются 5 телекамер наблюдения, но видеозапись не ведется, пройти с первого этажа на второй можно беспрепятственно.

9 сентября накануне покушения Чеботарев закончил прием посетителей в 17.35. Сразу после этого он отправился на презентацию благотворительной акции «Фонд «Россия» — детям-сиротам России» в концертный зал гостиницы «Россия». Такая вот тафтология получается.

Секретарша ушла в 18.10.

Уборка кабинета производилась 10-го числа с 6.10 до 6.25.

Секретарша пришла на работу в 8.50, по свидетельству одного из телохранителей — она открыла кабинет своим ключом, когда Чеботарев с Романовым вошли в приемную.

— Так вот! — сказал Турецкий нравоучительно, обращаясь к бит-бою. — Значит, бомбу в портсигар ему подложили накануне. Поехали за новыми свидетелями!

В особняке в Потаповском переулке народу было не меньше, чем вчера: и фонд, и общественная приемная работали в обычном режиме. Половина посетителей — зеваки, подумал Турецкий, протискиваясь сквозь толпу в холле. Не иначе явились поглазеть и посудачить. Смотреть, правда, им было особо не на что: на лестнице стоял охранник и посторонних наверх не пропускать.

Второй этаж был практически пуст, еще из коридора Турецкий услышал, как в чеботаревской приемной переругиваются два человека. Одним из них оказался майор Семаго, с которым он до сих пор толком не переговорил.

— Александр Борисович! — Семаго обрадовался встрече еще больше, чем Турецкий. — Это к тебе! Если понадобится — я у начальника охраны. — Он чуть не бегом выскочил из приемной.

— Кржижановский! — человек, перед тем скандаливший с Семаго, энергично протянул руку. — Общественные связи. «Единение». Начальник... представитель. По связям с общественностью. — Турецкий вспомнил его: видел несколько раз по телевизору. — Вы отдаете

себе отчет в том, что произошло?! — тут же заорал Кржижановский, не дождавшись, пока Турецкий представится. — Какой-то вшивый майор! Вы издеваетесь?!

— Перестаньте кричать, — спокойно сказал Турецкий. — В чем, собственно, дело?

— В масштабе дело! В звании! Да здесь все силовые структуры должны, во главе с первыми замами! Это как минимум! Должны не покладая... Землю носом рыть должны! А вы?! Сутки уже прошли!!! И до сих пор не все свидетели допрошены!

— Вас лично допрашивали?

— Да, майор этот. — Кржижановский несколько раз нервно ущипнул себя за бровь, как будто пытался избавиться от приставшего репейника. — Двадцать минут назад! Но вчера я прибыл уже после того и о мотивах не имею ни малейшего представления. Я хочу знать, я требую сообщить, какие версии есть у следствия! Вы разрабатываете политическую подоплеку? Или специально на это дело были назначены шавки, чтобы следствие ограничилось всякой бытовой ерундой? Тогда вы обязаны заявить, что вы не в состоянии, потому что вам чинят препоны...

— Кто? — прервал его Турецкий. — Кто, по вашему мнению, собирается чинить препятствия следствию?

— Ну... Не знаю, да мало ли... Я же знаю...

— Изложите все, что вам известно, на бумаге, и я приму соответствующие меры, — пообещал Турецкий, — времени вам — до конца рабочего дня.

Кржижановский остался стоять с открытым ртом. Он ведь так и не узнал, с кем разговаривал.

Когда Турецкий спустился в кабинет начальника охраны, Семаго уже собирался уходить.

— Удалось выяснить что-нибудь новое? — спросил Турецкий.

Семаго отрицательно покачал головой.

— Доступ в кабинет Чеботарева кроме него самого имели секретарша и начальник охраны. Были еще две уборщицы, ключ они брали у начальника охраны. Он сам из МУРа, подполковник в отставке. Так что сам понимаешь... С уборщицами я тоже говорил. Нужно, конечно, проверять, но все это туфта. Мимо!

— А что секретарша?

— Черт ее знает, — неопределенно покачал головой Семаго. — Тридцать шесть лет, не замужем, работает с Чеботаревым четыре года, до того — в Газпроме. Все уверяют, что отношения у них сугубо деловые. Глядя на Степан Степаныча, я склонен верить процентов на девяносто девять — сто.

Они вместе вышли на улицу и обогнули особняк с тыльной стороны, на которую выходили окна чеботаревского кабинета.

— Ну? — Турецкий указал сигаретой в сторону крутой, почти отвесной в готическом стиле крыши, — мог наш злоумышленник проникнуть в кабинет Чеботарева в его отсутствие?

Семаго скривился:

— Снаружи следов нет, и сигнализация очень крутая. Замок не взламывался — есть уже результат экспертизы. В нерабочее время на этаже постоянно дежурит охранник, в рабочее время — двое телохранителей, один в коридоре, другой в приемной.

— Понятно. — Турецкий уселся на нагретую солнцем старинную мраморную скамейку (он заприметил ее сверху и заглянул во двор особняка в основном ради нее), блаженно потянулся и закурил. — Версии есть?

— Одна есть. Киллер был на приеме у Чеботарева накануне вечером и подменил портсигар. Одному это тяжело, нужен напарник: один подсовывает бумагу размером с плакат, типа какой-то там интересный проект, чтобы загородить, значит, обзор, подсаживается поближе и начинает что-то пояснять — отвлекает. А другой в это время работает. Осталось выяснить, кто ходил на прием к Чеботареву парой — со вчерашнего вечера занимаемся.

— Это уже кое-что! Только куда вот список посетителей подевался?

— Его и не было никогда.

— Гениально! — Турецкий фыркнул. — Значит, у Степан Степаныча феноменальная память?! Мне так казалось, что он даже таблицу умножения слегка подзабыл. Ну ладно, допустим. И как, много нашли посетителей?

— Мало.

— Сколько?

— Ни одного пока.

9

Черный. 9 сентября, 14.00

Сутки спустя ровно в 12.00 Черный вышел из отеля «Амстел». Осталось еще два часа свободного времени. Только окончился теплый, совсем еще летний дождь, и от асфальта мостовых и набережных поднимался легкий парок.

Он поужинал в «Боведери» национальным жарким, приготовленным из капусты с копчеными колбасками, и отправился бродить по городу. Постепенно, незаметно для «хвоста», если таковой был, Черный приближался к оговоренному месту.

Райский уголок для туристов, город игорных заведений, злачных мест и испещренных трещинками старинных зданий. Вдоль сети трех каналов, покрытых плавучими растениями, протянулись бесконечные уличные ярмарки и магазинчики с выставленным в витринах товаром. Жизнь здесь не утихает допоздна...

Черный прошел через квартал публичных домов, где толстые, затянутые в кимоно проститутки демонстрировали, сидя прямо на подоконниках, свой роскошный товар.

Черный посмотрел на себя в ближайшую витрину. Высокий с немного раскосыми глазами мужчина в черных очках, джинсовом костюме и с переброшенной через плечо спортивной сумкой и фотоаппаратом ни у кого не вызывал сомнений в принадлежности к туристической братии. В этом долбаном городе, мать его.

У готического собора взял такси и назвал адрес. Машина покинула шумный центр и понеслась вдоль системы шлюзовых каналов. Проехали Северный порт. Затем спальный пригород с современными домами. Опять замелькали старинные особняки. На углу одной из многочисленных узких улочек Черный попросил остановить, расплатился и вышел. Еще два квартала преодолел пешком, незаметно проверяясь. Все было чисто.

До встречи оставалось пятнадцать минут. По Приксенграхт Черный пересек мост Магере и, очутившись на другой стороне канала, подошел к ближайшей телефонной будке. Это было единственное убежище, где он мог себя чувствовать мало-мальски защищенным.

В 13.59 плавно подкатила серая «вольво». Черный шагнул было из будки, но в это время к «вольво» подъехал черный «сааб». Черный инстинктивно присел и оказался за непрозрачной частью будки. Лучше, чтобы, кроме Шестопала, его никто здесь не видел.

Водитель «сааба», лица которого Черный не видел, что-то сказал людям, сидящим в «вольво». Задняя дверца распахнулась, и он забрался на сиденье. В машине находились двое: верткий молодой человек и водитель, грузный бородатый мужчина. Молодой — это и был Шестопал. Теперь Черный опознал его.

Ну что, может, пойти к ним, мать их?

Черный растерянно посмотрел вокруг. Внешние наблюдатели отсутствовали. Оставались только эти трое в салоне.

Биоволны угрозы от человека, приехавшего в «саабе», не исходили. Черный был уверен, что умеет безошибочно определять такие вещи. Если бы сейчас под пиджаком у того типа покоился пистолет или даже просто нож, он бы моментально почувствовал, вычислил третьим, привитым в спецшколе обонянием. О развалившемся рядом Шестопале и речи быть не могло. Его беспечность просто удивляла.

Шестопал что-то спросил и, судя по движению губ, это вполне могла быть фраза на английском: «Принесли деньги?»

Как бы в подтверждение, тип из «сааба» молча бросил ему на колени спортивную сумку. Шестопал заулыбался. Рука потянулась к «молнии». Тип из «сааба» воспринял это как сигнал к действию, из нагрудного кармана отработанным движением выхватил толстую авторучку. Шестопал, рассмотрев содержимое сумки, удивленно вскинул брови. Но смертоносное жало уже вонзилось в шею и оставило брови в немом вопросе. Рот тоже застыл, полуоткрывшись и не издав ни звука.

Водитель, еще не успев ничего сообразить, замер как изваяние. Левой рукой тот тип ухватил его за волосы, правой — за подбородок и рванул к себе. Водитель тут же обмяк, как тряпичная кукла, безвольное тело завалилось набок.

Тип из «сааба» забрал назад сумку у выпучившего глаза Шестопала. Стер отпечатки пальцев с дверной ручки машины. Выбрался на свежий, еще пахнувший прошедшим дождем воздух и пересел в свою машину.

Мать, мать, мать! Черный в немом отчаянии зачем-то посмотрел на часы. Встреча заняла ровно две минуты.

10

Турецкий. 11 сентября, 21.20

— Ну, за международное сотрудничество! — Грязнов явился в галстук и клубном пиджаке, что предвещало некоторый официоз, по крайней мере до третьей—пятой рюмки.

Начать решили прямо в ресторане гостиницы «Москва», а там, если не понравится, перебраться еще куда-нибудь. Реддвей был хмур и чем-то озабочен. Правда, отсутствие настроения никак не отразилось на его аппетите: он заказал графин водки, а в качестве легкой закуски («Исключительно для ра-зо-гре-ву. Александр, я правильно сказал?» — «Правильно, правильно») блины с икрой, красную рыбку, маринованные грибочки, балычок, заливное из телятины и набросился на все это, как будто не ел дня три.

Графин опустошили довольно быстро, заказали второй. Третий тост, за отсутствующих здесь дам, Грязнов произносил уже с приспущенным галстуком, да и Реддвей от обильной еды и скоростного наката на водку заметно оживился.

— Ну, за то, чтоб не в последний раз! — в очередной раз наполнил рюмки Турецкий.

— Посидим еще, — пообещал Реддвей, — я тут недели на две застряну. Еще в баню сходим, на рыбалку съездим...

— И в бордель! — заговорщически шепнул Грязнов. — А кстати, где твой напарник? Уже по бабам бегают?

— Он мне не напарник, — отрезал Реддвей. — Он... как это по-русски?..

— Искусствовед в штатском? — предположил Турецкий.

— Аморальный тип, и ты бы с ним в разведку не пошел? — предположил Грязнов.

— В разведку — да, а про мораль — я не знаю точно. Если бы ваши, как это... командиры не гарантировали, что мне позволят работать с Турецким, я бы ни за что не согласился на эту миссию. Ненавижу политические дела.

— Может, не будем о делах? — возмутился Грязнов. — Хорошо сидим, рабочий день давно кончился, отдыхать надо, а дела до утра потерпят.

— Немножко будем. — Реддвей махнул рюмку и отодвинул тарелку. — Я хочу сразу объяснить свою позицию. Если вы с ней согласны, будем работать вместе, если нет, я обойдусь один.

— Расслабься, Пит, — Турецкий похлопал товарища по плечу, — никто не собирается на тебя давить. Мы со Славой, во всяком случае, точно не собираемся.

— А в спорах, старик, — Грязнов нравоучительно поднял палец, — рождается истина.

— И все равно я объяснюсь. В кабинетах я говорить об этом не хочу, а на улице — не люблю, поэтому будем говорить здесь.

— Если ты прослушки опасаясь, — усмехнулся Грязнов, — так это самое неудачное место — здесь электронных насекомых намного больше, чем настоящих.

Реддвей выложил на стол золотую зажигалку «зиппо»:

— Глушит все в радиусе пяти метров.

Грязнов недоверчиво потрогал зажигалку вилкой:

— А если семьдесят шестым бензином заправить? Или в жидкость уронить?

— Вы будете слушать или нет?! — взорвался Реддвей.

— Будем, будем, — успокоил Турецкий.

— Только недолго, — попросил Грязнов, — трезвеем же, водка киснет.

Реддвей закурил, собираясь с мыслями.

— Банковский скандал — это очень плохое дело. Свидетелей убирают одного за другим. И я не уверен, что это ваши русские их убирают. Я очень опасюсь, что за всем этим стоят наши американские спецслужбы. ФБР, или АНБ, или даже люди из Лэнгли. Это плохое дело и опасное.

У столика материализовался официант:

— Господа еще чего-нибудь желают?

— Потом, — отмахнулся Турецкий.

— Опасность — его второе имя, — кивнул на Турецкого Грязнов.

— А мое второе имя Фицджеральд, — буркнул Реддвей, — только никому не говорите.

Вы решили, что я теперь важная птица — советник комиссии конгресса, а я есть козел отпущения. Александр, я так сказал?

— Боюсь, что так, — угрюмо кивнул Турецкий.

— Так вот. В этом скандале испачкались самые высокие тузы.

— Чьи тузы-то? — неохотно поинтересовался Грязнов. — Каких мастей?

— И наши, и ваши. Если мы что-то найдем, меня как минимум отправят в отставку. Если мы ничего не найдем, мне дадут орден, но конгрессменам это не понравится. Кроме того, в любом случае за каждым углом меня подкарауливает пуля как бы русского снайпера, и еще со мной Симпсон, и какая у него настоящая задача, я не знаю.

— Резюмируем, — хмыкнул Турецкий, нанизывая на вилку сразу три крохотных скользких опенка. — Ты в глубокой заднице и предлагаешь нам выбор: нырять за тобой или наблюдать с галерки?

— Что есть «галерка»?

— Издалека, короче, наблюдать.

— Не совсем так, — замотал головой Реддвей. — Нырять не нужно. Понимаешь, Алекс, я верю в Америку и верю своему президенту и буду воевать, если нужно, за него и мою страну. И в отчете, который попадет к нему, напишу все, что смогу узнать. Вопрос в другом: а вы верили своему бывшему президенту? Если я скажу, что он главный сукин сын, что он обо всем знал и все покрывал за деньги, вы будете воевать? Против меня?

— Господа еще чего-нибудь желают? — официант опять явился и ненароком смахнул со стола рюмку Турецкого. — Прошу прощения, заменю в сей момент! Прикажете подавать горячее?

— Сказали тебе, потом! — Грязнов дождался рюмки Турецкого и плеснул всем еще по пятьдесят. — Мужики, надо выпить. У меня лично от таких философских вопросов всегда аппетит просыпается.

Но Реддвей был настроен конкретно, он желал получить ответ, причем однозначный и прямо сейчас:

— Да или нет?

— Не знаю, — честно признался Турецкий. — С тобой лично и за президента как символ я воевать, наверное, не буду. Но в то, что он был самым главным сукиным сыном, я тоже не верю. Мафия эти деньги отмывала, вот в это я верю. А значит, с ней и надо разбираться.

— Нет у вашей мафии таких денег, — отрезал Реддвей. — Эти ваши «новые русские», на которых все валят наши газетчики, не могли заработать столько ни на рэке, ни на порнографии, ни даже на наркотиках и оружии. Они, как и я, в этой истории козлы отпущения. А вот Чеботарев — фигура...

— Господа еще чего-нибудь желают? — тот же официант снова вырос над душой.

— Господа желают счет! — рявкнул Реддвей. — Поехали отсюда.

— А кто здесь Турецкий? — все так же ласково осведомился официант. — Вас к телефону.

— Что за черт? И почему не на сотовый? Кто знает, что я здесь? Где у вас телефон? — Турецкий разразился потоком бессмысленных вопросов. Потом махнул рукой приятелям: — Спускайтесь к машине, я догоню.

Телефон оказался за стойкой бара. С каким-то неправдоподобно коротким шнуром. Чтобы взять трубку в руки, Турецкому пришлось пройти за стойку. Это было последнее движение, которое он помнил четко.

«Важняк» пришел в себя в 22.50, это можно было определить, просто глядя на часы. Благо руки ему никто за спину не заламывал и наручники не надевал. Правда, сидел он теперь на заднем сиденье какого-то автомобиля, судя по внутреннему интерьеру — «опеля». Сидел, зажатый двумя амбалами, один из которых, с круглым лысым черепом, смахивающим на маску Фантомаса, обрадовался этому чрезвычайно.

— Александр Борисович! — с чувством сказал он. — Едем в гости!

— Вам хана, — с трудом разлепил губы Турецкий. — «Чем это они меня?!» — Похищение сотрудника Генпрокуратуры. Точно хана.

— Похищение? — несказанно удивился Фантомас. — Какое еще похищение! Вы сами к нам в машину сели. Свидетели есть. И даже когда приятель ваш, американец, подошел, сами сказали ему, что, мол, сегодня уж больше не увидите. К любовнице, дескать, едете.

«Ну и ну?! Неужели не врет?»

— А рюмочка ваша между тем уже чисто вымыта, в ряду других уложена, никакой эксперт ничего не найдет. Так что сиди, дорогуша, не рыпайся. Сказано: в гости едем!

11

Черный. 10 сентября, 10.20

Человеку нужна идея. Нужна идея человеку!

Неважно какая — пусть пресная, тусклая, необходимо лишь осознавать сам факт причастности к движению жизни. Если же к этому добавить способность беспристрастно оценивать собственные возможности, да еще небольшую толику оптимизма, можно вполне безмятежно проживать день за днем, не страшась грядущей старости. Только вот... Как, спрашивается, вписать в эту схему всяческие «приятные» неожиданности вроде дневника Басина?

— Хреновая концепция! — Черный, не удержавшись, фыркнул. — И уж тем паче не первой свежести. «Не страшась грядущей старости...» Чего ее, мать твою, страшиться, если до нее дожить, вероятно, не придется? Народ же вокруг элементарно валят налево и направо! Пушкина, Апраксин, теперь вот — Шестопал... труп. Мертвый, мать его, труп.

Мысли, вернее, мыслишки, сопровождаемые мелкой шелухой бессвязных образов, уверенно набирали ход, истерично повизгивая на таких вот неожиданных поворотах.

Спокойно, спокойно! Вдох: синий поток, желтый поток — прилив, выдох: пурпурный выброс — очищение... Этим способом самоуспокоения Черный пользовался редко, ибо мало доверял собственному воображению. В пору юности, когда дух еще не был отягощен опытным недоверием и мудрым сарказмом, многое без особого труда представлялось реальным. Потому что хотелось верить во все подряд (разумеется, до определенных пределов). Вот и возможно было в любой момент превратиться в некий проводник вселенской энергии — так уверяли книги, писанные, надо думать, просвещенными людьми, — стоило лишь прикрыть глаза и представить, как снизу и сверху тело пронизывают разноцветные космические потоки, неся силу и покой на вдохе, вытесняя слабость, недуги и страхи на выдохе. Впрочем, в последнее время на скудность воображения сетовать не стоило. Скорее, наоборот... Если так пойдет дальше, скоро за каждым углом ему станут мерещиться киллеры и агенты спецслужб... Один сегодняшний сон чего стоил... Бестселлер в духе Чейза! Хотя нет, Чейз тут, пожалуй, покурит...

Куда же подевалась эта чертова Марина? Черный швырнул на пол бесполезную газету. Почему-то он был уверен, что именно сегодня «Нью-Йорк таймс» порадует своих читателей сообщением о смерти Митиной. А чего еще он мог ожидать?

— Да, собственно, — произнес Черный неопределенно. — Чего еще можно ждать от людей, любящих порядок и чистоту? Отмыть хренову, мать ее, кучу денег — и не почистить рабочее место?... Нет, господа! Шиш с маслом, господа! Не дождетесь, господа! В этих кругах так не принято!

Из недр книжного шкафа послышался недоверчивый писк.

— А ты сам посуди. — Черный подошел к Биллу, проснувшемуся и теперь подозрительно внюхивающемуся в окружающее пространство. — В банке отвечают, что Митина в отпуске, дома ее тоже нет... Нет, конечно, ни один уважающий себя человек не станет проводить отпуск в этом гнусном, пыльном городе. Вполне вероятно, что она сейчас где-нибудь на Кипре, на Гавайях, на Луне или черт ее знает где еще... Но если связать воедино скандал в Бэнк оф Трейтон, этого идиота Басина, потом все эти внезапные смерти — что, спрашивается, остается думать?!

Билла, впрочем, не особо интересовали дедуктивные упражнения хозяина. Уразумев, что кормить его не собираются и что мышей, даже домашних, даже любимых и т. д. и т. п., по-

видимому, кормят ноги, он покинул гнездовище и, оберегая сломанную лапку, направился на поиски съестного.

— А что? Может, она и вправду на Гавайях, — продолжал Черный. — Какая разница? Может, там ее не сегодня завтра похоронят... Черт!!! О чем это я?

Зазвонил телефон. Черный поколебался, но трубку все-таки взял.

— Н-ну? Что же ты мне сообщишь сегодня? — Джексон почему-то говорил спокойно. Черный даже уловил в его голосе нечто эдакое, что можно было бы назвать поощрительной иронией, если не принимать во внимание причину звонка.

— Томми, ну ты же знаешь, как это бывает, — хорошо еще, что Джексон находился не рядом. Черный точно хлопнул бы его по плечу.

— Я-то знаю, — ответствовала телефонная трубка. — А миллионы читателей не знают. Более того, они уже давно изнывают от желания подарить тебе миллионы собственных долларов. Что ты посоветуешь им ответить?

— Не знаю, не знаю, придумай что-нибудь самостоятельно. И вообще... — И вот внезапно его посетила гениальная идея. — Слушай, Томми... я понял. Я все осознал! Мне необходимо ехать в Москву!

— Что?!

— Конечно. Послушай, только не перебивай, я тебя умоляю. Ты сам знаешь, что неплохо бы попытаться прояснить вопрос с этим злосчастным банком. А такое возможно только в единственном случае! — Черный выдержал паузу. Джексон терпеливо молчал. — Короче, Томми, мне надо ехать, и все!

— Хорошо, — наконец вздохнула трубка. — Только позвони мне, когда будешь там.

— О'кей! — воскликнул Черный.

Действительно! Если в Нью-Йорке открылся сезон охоты на русских, то, пожалуй, Москва — неплохое убежище. Надо только суметь, а главное — успеть туда добраться. Впрочем, почему-то полегчало, может, Томми так подействовал, а скорее — то, что теперь не нужно было, в конце концов, думать еще и об этой дурацкой книге.

Черный подошел к столу, взял злосчастный блокнот. Полистал не вчитываясь. Затем, осененный идеей, сунул в карман и направился на улицу.

Через полчаса идея обрела воплощение в небольшой пачке ксерокопий, снятых с басинского блокнота. Еще минут двадцать ушло на то, чтобы заехать в банк и оставить там эту пачку на хранение. Зачем все это нужно, Черный плохо себе представлял, но казалось, что пока все идет правильно. Все время, пока он суетился и разъезжал по городу, где-то внутри, в районе солнечного сплетения, нудно пульсировало далекое, но достаточно мерзкое чувство тревоги. Уже направляясь домой, выходя из банка, он умудрился столкнуться с какой-то особой женского пола, пребольно стукнувшей его в подбородок. Ей, конечно, досталось больше, если принять во внимание, что ударным органом послужил нос особы и что, вероятно, такое с ней происходило не каждый день. Особа была юна и обладала дьявольски великолепной фигурой, что в другое время, несомненно, привлекло бы внимание Черного. Теперь же он скомканно извинился и поспешил ретироваться.

И не зря. Потому что по дороге к дому вдруг остро ощутил за собой слежку, хотя обнаружить источник не смог. Так что вернулся уже окончательно расстроенным и непривычно злым.

— Билли, собирайся немедленно, валим отсюда!

Билли никак не отреагировал на заявление хозяина. Он спокойно спал. Черный усмехнулся и принялся собирать вещи. Коих в общем-то было немного — он любил путешествовать налегке. Затем настал черед Билла. По-хорошему следовало бы оформить кучу всяческих документов — медицинских справок и прочей дребедени. Раньше обычно так и делалось. Но сейчас с этим возиться было лень. Скорее, не столько лень, сколько беспокойно, если не сказать: страшно оставаться в этом городе дольше. И потому Биллу суждено пересечь океан в

кармане. В том самом, где сейчас находился долбаный блокнот. Ну не смог он его оставить в банке. Правда, закрадывалась мысль — отослать почтой в Россию, например в Генеральную прокуратуру или в Министерство юстиции. Но и на этот шаг Черный не смог решиться.

«Черт, блин, твою мать!!! Напиться, что ли?.. Впрочем, это тоже до добра не доведет...»

Блокнот полетел в чемодан.

— Так-то вот, Билли, полетишь контрабандой!

Уже выходя, поймал себя на желании выглянуть в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.